

Оскар Рай

Лабиринты сознания

Об авторе

Оскар Рай - современный писатель, книги которого не только увлекают своими сюжетами, но и помогают каждому вести свой внутренний поиск. Психологические романы, написанные в уникальном стиле для думающего читателя. Это не безликое чтение на один вечер, а книги, к которым возвращаешься и находишь новый смысл давно прочитанных фраз. Люди, познакомившиеся с его творчеством, никогда не остаются равнодушными, замечая, как поразительно эти книги повлияли на их судьбы.

Оскар Рай

Лабиринты
СОЗНАНИЯ

ГЛАВА 1

Глаза открылись. День. Я сижу на стуле перед окном. Старые рамы распахнуты наружу. Краска на них давно уже высохла и потрескалась. За окном город. Подтверждают это смотрящие на меня примерно со стометрового расстояния высотные здания. Огляделся вокруг – комната пустая. Выцветшие, столетней давности, зеленые обои. Точней, выцветше-защитного цвета. Да, штор тоже нет. Карниз есть, а штор нет. Да и карниз – одно название. Полутораметровая алюминиевая трубка, просто лежащая на вбитых в стену гвоздях. Странно, почему окно открывается наружу? Ладно, хрен с ним, надо отсюда сваливать.

На улице лето, жара градусов тридцать. Значит то, что я в шортах и майке – это нормально, даже хорошо. Вот только пить хочется. Попытался встать. Не выходит. Ноги привя-

заны к ножкам стула. Левая нога привязана к левой ножке, правая – к правой. Руки связаны за спиной. Какого черта я связан?! Повернул голову, попытался посмотреть что сзади. Через одно плечо, через другое. Неудобно. Блин! Отталкиваясь носками ног и подпрыгивая насколько это возможно вместе со стулом, повернулся на сто восемьдесят градусов. Отлично. Теперь я лицом к двери. Ее наверно красили тогда же когда и окно. Интересно, когда это было? Десять лет назад? Двадцать?

Подергался. Попробовал освободиться. Безуспешно «Подергался» – как точно сказано. Именно подергался, потому-то на целенаправленные обдуманые действия это было похоже меньше всего.

Скотч Гениальное изобретение человечества! Будь я связан веревкой, была бы хоть возможность пофантазировать о том, как можно распутаться. А скотч – вещь надежная. Не ленишься обмотать побольше – и все! Гарантия качества. Но машинально подергался еще.

Так, надо двигать ближе к двери. Вдруг она тоже наружу открывается? И если повезет, окажется не запертой.

Уже привычным способом «прискакал» к двери так, что если б хоть одна рука была свободна, то ею можно было бы без проблем дотянуться до дверной ручки, правда, только в том случае, если бы она была. А ее нет!

С открытием двери ситуация не прояснится на все сто процентов, но хотя бы узнаю, что за ней находится.

Мое любопытство перебила резко распахнувшаяся дверь. Она открылась с такой силой, что вместе с любопытством перебила мне еще и переносицу. Резкая боль от удара отогнала от меня какие-либо мысли, не говоря уже о таких вопросах как: где я? почему я? зачем я?

Только подумал: «Дверь все-таки вовнутрь открывается!»

А вот возникший передо мной образ зловещего мужика с грозным видом, наоборот, возобновил мыслительный процесс в моей голове. Я задавался уже не типичными вопросами: «как я сюда попал? что это за место?» и все такое. Меня теперь сильно беспокоило то – будут ли меня бить? как сильно будут меня бить? как долго будут меня бить? И вопрос, который должен больше всего беспокоить любого в по-

добной ситуации, просто подводил итог моей озадаченности – я умру?

Но «горилла» в белом, похожем на медицинский, халате и сером засаленном фартуке оставлял все меньше шансов на отрицательный ответ. Обозвать его халат белым – тоже не совсем правильно. Он был когда-то белым, а в данный момент засохшая кровь вперемешку с грязью кардинально меняла цвет его униформы.

Вонь жуткая! Он что со скотобойни пришел?

Стоп. Может, это не он пришел, а меня на скотобойню привезли? Ну вот, уже легче. Есть хоть приблизительное предположение – где я. Но почему тогда она находится так высоко? Судя по виду из окна, находимся мы как минимум на двадцатом этаже.

О! в руках у него топор, сразу и не заметил. Тоже в крови. Вот только как-то она отличается от той, что на халате и фартуке своей свежестью. Даже на пол капает. Насколько мне известно, кровь сворачивается в течение считанных минут. А эта капает! Значит, орудовали этим топориком совсем недавно.

Страшно!

Медленно, но уверенно этот мясник занес топор над моей головой. Все внутри сжалось. В любое мгновение он может раздробить мой череп, который явно проигрывает в прочности металлу топора, даже если сталь хренового качества. Ему даже прикладывать усилия не придется для того, чтобы раскроить мою голову. Стоит всего-навсего расслабить свои тяжеленные руки. И все. Любуйся на мои мозги сколько угодно.

Но этого не происходит. Секунду за секундой я жду резкого движения с его стороны, но он застыл как статуя с вонючим предметом экзекуции в руках. В этот момент я в деталях прочувствовал смысл выражения «ожидание смерти хуже самой смерти». Мои нервы натянулись так, что казалось еще немного и вены в моем организме начнут лопаться одна за другой.

Капли крови упали мне на лоб и стремительно потекли к губам. Страх достиг критической точки.

– Черт! Хватит! – сплевывая кровь со своих губ и уклоняя голову, я выдавил из себя

первое, что пришло мне на ум.

Не думаю, что мой возглас подействовали на это «чудовище», но здоровяк отмерз. Также медленно опустил топор (слава Богу, не на мою голову). Сделав два небольших шага в сторону, бросил свою секиру, и только после этого резко рванул снова ко мне. Схватив одной рукой за шею, а другой – за стул между моими ногами, с бешеной силой вместе со стулом вышвырнул меня в окно.

Шок!

Сердце замерло от страха пред полетом, который неизбежно должен закончиться соприкосновением моего мягкого тела с твердой поверхностью. Зажмурился Темнота Раз, два, три десять, одиннадцать Что, все?! Я умер? Почему не было удара? Может, я еще лечу?

Открыл один глаз. Нет, не лечу.

Яркий солнечный свет сузил мой зрачок. Немного привыкнув к свету, я открыл второй глаз. Сажу на лавочке в каком-то парке. Все чистенько, аккуратненько. Зеленая ухоженная трава вокруг, красивые пышные деревья отделяют территорию парка от просматривающихся сквозь них автомобильных дорог. Все

вокруг как нарисованное. Яркие насыщенные цвета.

Да, здесь атмосфера определенно лучше.

Посмотрев на руки, на ноги, убедился – не связан. Прикоснулся к переносице. Вроде в порядке, не болит. Встал на ноги – действительно, свободен. Посмотрел по сторонам. Ух, никто не гонится, здоровилы нет.

Но и никого нет! В парке я – совсем один. На дорогах машин нет. Посмотрел наверх – чистое голубое небо, ни одного облачка. И какая-то неестественная тишина.

Может я оглох? Засунув мизинцы в уши, пошурудил ими. Открыл рот, чтоб зевнуть. Обычно это помогает, когда закладывает уши. Улучшений нет. Похлопал ладонями, произнес – раз, раз... Все-таки не оглох! Себя я слышу.

Так, надо двигать из этого сказочного места, может, хоть кого-нибудь встречу. Долго решать, в какую сторону идти, не стал. Следуя интуиции, пошел прямо, по ровно выложенной тротуарной плиткой дорожке. На пешеходном переходе, несмотря на то, что ни одной машины и близко не видно и не слышно, посмотрел

налево, потом направо. М-да, привычка – вторая натура.

Перейдя через дорогу, оказался возле входа в какой-то торговый центр. Большая стеклянная дверь открылась автоматически. Черт! Где люди?!! Только хотел войти, как боковым зрением увидел какое-то движение примерно в двухстах метрах слева от себя, даже дернулся. Едва успел заметить как кто-то скрылся между домами. Значит, я здесь все-таки не один!!

Рванул за ним, повернув в тот же проулок. Довольно быстрым шагом, испуганно поворачивая голову назад, удалялся от меня толстенький усатый мужичок в прикиде повара, толкая перед собой морозильник на колесиках с надписью «Мороженое». И колпак на этом коротышке поварской! Точно персонаж из мультика!

– Эй! Подождите! – решил я на свою голову остановить этого продавца «детского счастья», – я извиняюсь. Постойте!

Толстяк остановился. Развернувшись вместе с морозильником в мою сторону, он открыл крышку и запустил руку вовнутрь. Я подбежал к нему ближе и не успел произнести хоть сло-

во, как этот жлоб достал из морозилки дробовик и недолго думая направил его на меня. От страха и неожиданного поворота событий я упал как подкошенный. Прозвучал оглушительный выстрел. Заряд пронесся над моей головой, с мерзким свистом рассекая воздух.

Твою мать! Что же это такое?! Что ж они все так агрессивно настроены?!

Руководствуясь инстинктом самосохранения, перебирая руками и ногами по земле, я рванул обратно. Петляя то в одну, то в другую сторону, падая и перекатываясь по асфальту, я стремился добраться до какого-нибудь укрытия. Выстрел. Еще один. Сверху посыпались стекла от подстреленной этим «боевиком» рекламной вывески.

Добежав до конца здания, буквально залетел за выступ. Стеклянная дверь. Подергал за хромированные ручки. Блин, закрыто! Попробовал выбить плечом. Выбил. Но плечо! Немного высунул голову за угол посмотреть, как далеко убежал от «маньяка». Никого. Лихорадочно обшарил глазами все вокруг. И след простыл от толстяка и его «чудо-тележки». На мгновение стало спокойней.

Вернулся ко входу в супермаркет. Вплотную подошел к двери. Вот хрень! Не открывается. В тот раз сама открылась, а теперь что?!

Помахал руками в надежде на то, что фотоэлемент сработает. Ноль.

Да и вообще, что я там забыл?! Нужно уходить!

Отошел на два метра.

Хм, открылась. Ладно, посмотрим что там.

Вошел внутрь. Что за фигня?! Интересный контраст. На улице так симпатично, ухожено, а тут руины какие-то. Вполне возможно, что здесь когда-то протекала жизнедеятельность, но такое ощущение, что сюда запустили толпу сумасшедших вандалов и разрешили им не сдерживать полет своей больной фантазии.

Никаких лестниц, эскалаторов, лифтов. Точней, они есть, но не в привычном для нас виде. Большие горы искореженных конструкций лежали по всей территории этого, уже просто разрушенного, помещения.

Внезапно для моего слуха где-то в глубине этих развалин прозвучала мелодия, похожая на звук, который издают игровые автоматы.

Хрустя разбитыми стеклами под ногами, пошел на звук, огибая кучи строительного мусора.

Точно, игровой автомат. Как-то он не вписывался в данный интерьер, хотя бы потому, что был не изувечен. Переливался мигающими разноцветными лампочками и даже не был в пыли, в отличие от всего, что его окружало.

Несмело подошел к нему ближе. Игровой автомат «Рулетка», я в такой всего раза два в жизни играл. Вообще, не люблю игровые автоматы. Другое дело шахматы или карты, там хоть влияешь на ход игры. На худой конец, игры на компьютере, но никак не автоматы. Не понимаю тех, кто болеет игроманией. Сливаешь деньги, как придурок, какой-то машине, а она выдает тебе тогда, когда у нее программа сработает. Вставляешь купюру за купюрой, и надеешься на то, что именно тебе улыбнется удача. То есть это игра в везение, а навыки и умение здесь не имеют никакого значения.

Так! У меня есть выбор – свалить отсюда и как можно быстрее или же сыграть в эту чертову рулетку. Ну, не просто ж так я на нее наткнулся. Хотя...

Проблему выбора разрешил громкий щелчок затвора дробовика, что так угрожающе прозвучал у меня за спиной. Медленно, чтобы не спровоцировать недружелюбного повара, немного повернул голову и непроизвольно поднял руки. Мурашки пробежали по всему телу, и спокойствие покинуло с какой-то немислимой скоростью.

Злобный карлик с ружьем в руках подходил ко мне быстрее и увереннее, чем я к этому проклятому автомату. Удивило одно – почему он сразу не продырявил мне голову? В момент последней нашей встречи он не был столь лояльным и не задумывался перед тем, как пальнуть в моем направлении.

Долго гадать, по какой причине он не стал стрелять в меня сразу, не пришлось. Он приставил дуло дробовика к моему затылку и, подталкивая вперед, сухо приказал:

– Играй!

– Что?

– Играй, придурок! А то я тебе башку снесу!

Да, не блеснул оригинальностью – «я тебе башку снесу». Как будто я не знаю, что он

может сделать при помощи дробового ружья двенадцатого калибра, тем более, если его применить с такого расстояния... Вообще без расстояния.

– Я-а-а Х-хорошо, да. Только я не знаю как. Я должен вспомнить.

– Давай, ублюдок! – с нарастающей злостью в голосе продолжал настаивать «усатый командос», при этом толкнул меня в спину так, что я завалился на игровой автомат.

Парадокс в том, что я действительно не помнил как играют в эту рулетку. По логике вещей, в начале засовываешь деньги в купюроприемник (который в прочем отсутствовал), затем нажимаешь на определенную кнопку и ждешь, когда всевозможные вишенки, груши и сливы выстроятся в последовательности, которая взбредет в «голову» этой «адской машине».

Какое-то седьмое чувство подсказывало мне, что автомат будет работать и без денег. Все что мне оставалось сделать – это, следуя все той же логике, нажать на кнопку с надписью «старт».

Ускорить мой мыслительный процесс и

принять единственно верное решение, помог мне прозвучавший над ухом выстрел. Подскочив от страха, и практически на грани обморока, что есть силы, ударил по кнопке.

Закрутились барабаны. Наступил момент ожидания и, если честно, я понятия не имел, что последует за тем, как выпадет одна из многочисленных комбинаций. Мне даже не было интересно – на кой хрен толстяку это нужно. Но все же, на неконтролируемом подсознательном уровне надеялся на положительный результат, как будто в этом мое спасение.

Вот одна за другой стали выстраиваться в ряд картинки на мониторе.

Слива, слива, слива, слива. Последний барабан заставил сжаться изнутри. Даже пальцы на ногах завернулись в диком напряжении. Глухой щелчок. Слива!

Веселая мелодия обозначила благоприятный результат.

Ну?! И что теперь?

– Видишь, а ты боялся, – непривычно добрым голосом сказал повар.

Уставший от столь напряженной игры и с каким-то необоснованным ощущением, что

все уже позади, я расслабился. Толстяк взял меня за плечо, развернул к себе лицом и, не дав опомниться, заехал рукояткой дробовика мне в челюсть. В глазах потемнело. Не успев даже почувствовать боли от удара, я потерял сознание.

ГЛАВА 2

Продрал глаза, как после крепкого сна. Самое время сориентироваться, где я на этот раз очутился!

Так, лежу на песке, в небе летают чайки, издавая звук, который создает атмосферу курорта. Морские волны щекочут мне пятки. Позади пальмы и другая зелень. Типичный сюжет потерпевшего кораблекрушения. Правда, никаких обломков корабля или хотя бы маленькой лодки не наблюдается и тот факт, что я абсолютно голый, как-то немного искажает этот сценарий.

Вокруг ни одной живой души. Скоро я начну испытывать синдром одиночества. Хотя, если вспомнить моих новых «друзей», что так «нехорошо» со мной обошлись, то лучше быть одному.

Ощупал челюсть – не болит. Чего не ска-

жешь о голове, которая просто раскалывается. Мысли рассыпаются. Черета вопросов в стиле: «что вообще происходит? почему эта ерунда случается именно со мной?» и так далее, только усиливает головную боль.

Так, надо собраться, выстроить логическую цепочку происходящего. Впрочем, логическую вряд ли получится, так как черета происходящих со мной событий не имеет никакого отношения к логике и здравому смыслу в принципе. Но все же, какое-то объяснение всему этому должно быть?!

Хорошо. А что если я умер, попал в ад и теперь буду навечно подвергнут ужасам, которые только может представить себе человек? Или, может, я в коме? Да, вполне вероятно, тем более что есть уйма примеров, когда человек впадал в кому или даже летаргический сон, валялся как мумия энное количество времени, а потом приходил в себя и рассказывал увлекательные истории, как он видел свет в конце тоннеля, своих умерших родственников и все в таком роде.

Или же все гораздо проще. Я сплю, и мне все это снится. Тем более, сон, как правило,

так и выглядит – череда бредовых, не связанных между собой событий. Да, точно, это сон! Просто «нереально» реалистичный сон! А что в таких случаях делают?! Надо себя ущипнуть или ударить.

Пальцами рук с силой сжал кожу на бицепсе. Нет, это не так больно. Схватился за сосок левой груди. Больно! Но видимо не настолько, чтобы в ужасе вскочить с кровати со словами: «Хорошо, что это был сон». Надо придумать что-то существенное.

Посмотрел на член. Нет. Нет! Это тупо, даже во сне. Еще бы! Додумался, положить его на камень и сверху стукнуть кокосом, которых, как я успел заметить, здесь в изобилии.

А что если все-таки это не сон? От этой мысли становится только хуже.

Ладно, сон – не сон, пойти кокос, что ли съесть, раз представилась такая возможность. Встав на ноги и отряхнув свой голый зад от песка, я пошел к ближайшей пальме, возле которой валялись кокосы.

Почему-то подумал о том, что следовало бы прикрыть чем-нибудь свои гениталии.

Велосипед изобретать не стал. Взял не-

сколько крупных листьев, прикрыл ими перед-зад, обмотав их вокруг талии какой-то лианой. Поднял с земли пару кокосов и отправился с ними к ближайшему выглядывавшему из песка камню.

Присев рядом с булыжником, обеими руками стукнул орех о камень. Тот без особых сложностей раскололся пополам. Внутри пусто. Прodelал такую же процедуру со вторым. Пусто.

И почему меня это не удивляет?

Не насладившись мякотью кокоса, по причине его отсутствия в бесполезной скорлупе, снова погрузился в пытлиую задумчивость.

После чего происходили мои перемещения в пространстве? После реального испуга! Следовательно, мне нужен очередной всплеск адреналина. А как его создать, находясь на каком-то побережье в «гордом» одиночестве?

О, идея! Залезу-ка я на пальму, да повыше, и сигану с нее. Ну, в противном случае, если не хватит духа прыгнуть, то хотя бы посмотрю, что это за местность и в каком направлении лучше двинуться.

«Пацан сказал – пацан сделал» забрался

на пальму и осмотрелся.

Дела хреновые! Я на малюсеньком острове, примерно с четыре стандартных футбольных поля, окруженном со всех сторон морем. Да, мечта сумасшедшего – оказаться на необитаемом острове посреди неизвестно какого океана.

Может, это было бы и прикольно – зависнуть здесь с парочкой красивенных девчонок и то – не дольше, чем на три дня. Но не после того, как тебя выбрасывают из окна, стреляют в тебя из дробового ружья и напоследок выключают сокрушительным ударом в челюсть. Ты приходишь в себя с дикой головной болью. Ни тебе девочек, ни свежавыжатого холодного сока, вообще никаких прелестей жизни. Ну, вот это приблизительный контраст между тем как себя чувствует человек, приплывший на своей яхте с друзьями и подругами на островок, чтобы чудно оттянуться, и ощущениями выброшенного морской волной на злополучный остров после какого-нибудь цунами.

Вот она – проблема выбора! Исходя из того, что я на крошечном островке и идти мне некуда, все, что остается – это закрыть глаза

и «благополучно» совершить полет с высоты этой достаточно высокой пальмы. Или же аккуратно слезть с нее и ждать чуда в стиле появившегося на горизонте корабля, пролетающего вертолета или хотя бы очередного путешествия в неизвестность, что, по крайней мере, сменит успевшую мне надоеть атмосферу «Робинзона Крузо».

Взвесим все за и против.

Внизу песок, и какая гарантия того, что от страха я окажусь где-нибудь в другом месте, а не останусь лежать с переломанными костями на этом «прелестном курорте». Гарантий никаких! А если я спущусь с дерева и приступлю к томительному ожиданию чего-либо, я как минимум не нанесу ущерб своему «многостремительному» телу.

Решение принято в пользу того, что не стоит напрасно причинять себе физические страдания. Слезаю!

Хм, солнце садится. А это значит, что времяисчисление все-таки имеет земное начало.

Сел на берегу недалеко от воды. Шум прибоя хоть как-то успокаивает. Ни еды, ни воды. Полная задница!

Тупо глядя на горизонт, просидел у моря пока полностью не стемнело. Изнурил себя мыслями: «как я сюда попал и почему я вообще «попал» в подобную ситуацию», – почувствовал дикую усталость. Глаза сами стали закрываться. Как-то похолодало. Вот бы сейчас в мягкую кровать с теплым пуховым одеялом. Но в место этого пришлось закопаться в пальмовых листьях, которые самостоятельно свалил в одну кучу. Даже не заметил, как отключился.

ГЛАВА 3

Проснулся и почувствовал, что мне как-то тепло и уютно.

Я лежу в постели. Большой, мягкой, застеленной чистым свежим бельем, постели. Перед глазами на тумбочке тускло горит настольная лампа. Интерьер в комнате подсказывает, что это гостиничный номер и более того, такое ощущение, будто я здесь уже был.

За спиной почувствовал какое-то шевеление. Резких движений делать не стал. Медленно перевернулся с бока на спину и аккуратно подтянулся так, чтобы оказаться в положении полусидя. Наклонил голову набок, как бы не решаясь посмотреть, кто находится со мной в постели.

Вау!!! Рядом со мной лежит воплощение фантазий любого мужчины. Любого нормального мужчины традиционной ориентации!

Красивая молодая девушка мило посапывает, уткнувшись своим слегка курносым носиком в мое плечо. Одеяло сползло с нее так, что можно рассмотреть все прелести, которыми она была щедро наделена природой. Под тусклым светом ночника изгибы ее тела смотрелись сверхсексуально. Шикарная грудь, если меня не подводит опыт, дотягивает до третьего размера. Эти пышные формы двигались в такт с дыханием, поднимая в моем теле волну возбуждения.

Ну вот, это другое дело! Я в гостинице с девушкой, на столе два бокала и бутылка шампанского. Отлично, эта картина мне близка и многое объясняет. Попробую выстроить хронологию событий. Думаю, на этот раз у меня получится: вчера я пошел в какой-нибудь бар или ночной клуб (в принципе, за один вечер я смело мог побывать и там и там), изрядно выпил, познакомился с этой прелестной блондинкой и дальше дело техники. Но то, что весь вчерашний день как будто вырезали из моей памяти – как-то настораживает. Такого еще не было!

Какую дрянь я еще мог принять? В любом

случае, все станет ясно, как только проснется моя новая подружка, надеюсь, она не надиралась до моего состояния и помнит немного больше о вчерашнем кураже, чем я. Сейчас будить ее не стоит, все равно ничего вразумительного спросонья она не скажет.

Тихо, чтобы не тревожить мою «спящую красавицу», встал с кровати и подошел к стулу, на котором лежали мои вещи. Обшарил карманы джинсов в поисках своего мобильного телефона. Так, вот он.

Залез в «Контакты», открыл папку, обозначенную как «Друзья». С кем я вчера мог затусить? С Антоном нет, он в Египте. Вадим с женой собирался на дачу. Гоша, наверняка как всегда со своими наркоманами в каком-нибудь гадюшнике зависал. Не знаю, что этот урод вообще делает в моем телефоне, я думал, что давно удалил его из контактов. Этот нет, этот вряд ли, а вот Димону позвонить – есть смысл. Если он со мной не был, то хотя бы может сказать, куда я собирался или хоть как-то просветить о событиях последних дней.

Посмотрел на время – четыре часа утра. Для звонков слишком рано. Представляю, как

это будет выглядеть. Звоню я ни свет ни заря своему другу, который наверняка еще спит крепким сном и спрашиваю о том, чем я вчера занимался, типа: «Дружище, просвети меня, что я делал прошлой ночью, да и вообще последние дня три?» Уверен, он подумает, что я пьяный или сошел с ума и скажет, чтобы я не страдал фигней, ложился спать, а завтра, точней сегодня, но позже, занялся восстановлением своей «пострадавшей» памяти.

Может, я реально зря паникую? Ну, приснился мне кошмар. Да, реалистичность сна впечатляет, но вряд ли это повод для того, чтобы названивать своим друзьям ночью и выставлять себя перед ними полным идиотом. А то, что я проснулся в гостинице с девушкой, которую не узнаю, тоже легко объяснить. Перепил, с кем не бывает. Как говорится, половой акт еще не повод для знакомства. Да и не факт, что у нас с ней вообще был тот самый половой акт.

Короче, надо дождаться, когда она проснется, а тем временем может быть и в моей голове что-то прояснится. Так ведь бывает, что с похмелья ничего не помнишь, а потом пос-

тепенно какие-то фрагменты всплывают в памяти, из которых позже складывается общая картина.

Так, надо освежиться! Думаю, прохладный душ меня немного взбодрит.

Зашел в душевую кабину, открыл кран с холодной водой. Нет, пожалуй, лучше теплая или даже с легка горячая. Настроил воду до подходящей температуры, встал под напор. Вот оно – простое человеческое счастье! Тепло, хорошо, и голова не болит. В мягкой постели лежит просто секси с красивой грудью и круглой попкой, с которой даже если у меня ничего не было, то обязательно будет. Ну не просто ж так она там очутилась?!

А все остальное ерунда. Когда я стал таким мнительным? От какого-то сна отойти не могу, смешно. Хотя теперь я понимаю, почему в сумасшедшем доме лечатся люди, которым регулярно кошмары снятся.

Сквозь шум воды услышал шорох, который определенно доносился из единственной комнаты, которая была в этом номере. Закрутил краны.

Точно, топот ног, зазвенели бокалы. Зна-

чит, спящая красавица уже проснулась. Что-то она рано. Может сушняк, шампанского захотела? Ну что ж, выпьем за знакомство.

Взял большое махровое полотенце, вытер свое распаренное, предвкушающее приятное знакомство тело. Заметил висящий на стене такой же белый махровый халат.

Как лучше – обмотать вокруг тали полотенце или все-таки накинуть халат? В первом случае, это будет выглядеть более сексуально, во втором – более нормально. Действительно, зачем эти детские понты, типа, вот он я, возьми меня. Халат больше подойдет для данной ситуации. В конце концов, мы ж не в сауне.

Да, так даже чувствуешь себя комфортней, ощущение чистоты и уюта. Ладно, вперед к мирским утехам!

Открыл дверь, которая выходит из ванной в спальню и, уже с приподнятым настроением, грациозно вошел в комнату, ожидая увидеть свою спутницу во всей красе.

Вошел и опешил. Номер освещался не ночной лампой, а солнечным светом, который беспрепятственно проникал в комнату через большое, практически на всю стену, окно.

Судя по тому, что солнце было в зените, можно предположить, что сейчас далеко не раннее утро, а вступивший в полные права день, как минимум три часа дня. А я занимался омовением не больше двадцати минут и, перед тем как отправиться в душ, посмотрел на часы – было четыре утра, это я помню точно. За окном была тьма кромешная и никакого намека на рассвет. А сейчас, что ж это получается?

А получается то, что кровать, где еще каких-то двадцать минут назад крепко спала моя удивительная незнакомка, аккуратно застелена, а от нее и след простыл. Со стола исчезли бокалы и шампанское, со стула мои вещи, в количестве одних джинсов, футболки, кожаного пиджака и пары носков.

Вместо всего этого посреди комнаты стоит невысокая старушка в униформе горничной и с неподдельным удивлением и даже испугом в глазах смотрит на меня. По ней видно, что она никак не ожидала меня здесь увидеть.

Мое приподнятое настроение мгновенно сменилось на подавленное, голова закружилась, в глазах начало темнеть. Казалось, еще чуть-чуть и я свалюсь в обморок. Но мое уда-

ление во мрак прервала незамысловатая, предсказуемая, в данной ситуации, реплика этой миловидной старушенции.

– Что Вы здесь делаете?

Признаться честно, я бы и рад ей ответить на этот вопрос, но уже понятия не имел, что я здесь делаю. Нет, если бы блондинка не исчезла из постели и ночь в считанные минуты не превратилась в знойный день, я, безусловно, смог бы доходчиво донести до ее сознания, чем я здесь занимаюсь или чем намерен заняться. Но, увы! В голове у меня все перемешалось. То, что совсем недавно я уже начал считать плохим сном, продолжилось диким кошмаром.

– Кто Вы? Как Вы сюда попали? – не дожидаясь моего ответа, как бы по заранее написанному сценарию, продолжала спрашивать изумленная бабуля.

– Где девушка? – вопреки здравому смыслу, как бы на всякий случай, спросил я у горничной.

Похоже, она не ожидала подобного вопроса с моей стороны, тем более что сперва явно хотела услышать ответы на два своих. Тем не менее, решила уточнить.

– Какая девушка?

– Здесь была красивая блондинка. Куда она делась? – в отчаянии с хрипотцой в голосе я уже не спрашивал, а как бы жаловался, – Где мои вещи? Почему за окном день? И что вообще со мной происходит? – продолжал я изливать душу в виде вопросительных предложений, адресованных скорее даже не горничной, а самому себе.

Та, в недоумении захлопала глазами. На ее лице теперь читался испуг куда больше, чем удивление. Могу поспорить, она перебирает в голове варианты, пытается понять – я обдолбленный наркоман или просто сумасшедший, случайно забредший сам не понимая куда.

– С вами все в порядке? – куда более радушно, чем раньше поинтересовалась о моем состоянии пожилая работница гостиницы.

Наверно остерегается того, что я могу быть опасен, и не хочет лишний раз подвергаться риску, провоцируя меня грубым вопросом относительно моего появления здесь.

Я не стал посвящать ее в то, насколько я не в порядке. Думаю, если ей даже вкратце рассказать о том, по какой причине я не в поряд-

ке, то в обморок упадет она и скорей всего не от моей увлекательной истории, а от того, что перед ней стоит человек, который с каждым словом подтверждает свою неадекватность. Поэтому я решил ответить не однозначно:

– Не совсем. Скажите где мы? Я понимаю, что это звучит странно. Поверьте, я не пьяный и не сумасшедший, просто скажите, где мы находимся, – спросил я на одном дыхании почти умоляющей интонацией.

– В каком смысле – где? – не переставала удивляться моя собеседница.

– В каком мы городе, что это за гостиница, – не раздумывая уточнил я, так как предчувствовал, что с ходу она не сможет вникнуть в суть вопроса. – Да И какое сегодня число, какого месяца и какого года? – добавил я, говоря каждое слово все тише, понимая, что уже окончательно подтвердил свой статус душевнобольного в ее глазах.

– В Москве. Это гостиница «Украина», – ответила горничная, все с тем же недоумением в голосе и, то ли от страха разозлить меня или из жалости, видя мое состояние, после короткой паузы завершила фразу, – седьмое мая две

тысячи восьмого года.

В считанные секунды, я проанализировал услышанное. Все правильно – я в родном городе, в гостинице, где бывал не однократно и чаще всего в компании таких вот блондинок, как та, загадочно исчезнувшая. И месяц, и год. Такое ощущение, что я одной ногой в реальности, а другой? А другой?

Все! Теперь и я больше склоняюсь к тому, что я сдвинулся рассудком.

– Молодой человек, эта гостиница полгода была на реставрации и только послезавтра она открывается. Поэтому поймите мое удивление увидеть Вас здесь. Меня зовут Мария. Я работаю здесь горничной, мы приводим номера в порядок перед открытием, – решила разъяснить ситуацию совсем подобревшая старушка.

Ну вот, она уже разговаривает со мной как с шизофреником. Теперь ей осталось только достать платок и вытереть слюни, которые по идеи должны вытекать у меня изо рта.

На мгновение в моей голове промелькнула идея рассказать ей, что я приятель их директора или хотя бы старшего менеджера. Типа, он мне по знакомству дал ключ от номера и

разрешил провести в нем ночь со своей подружкой и так далее, но я сразу отказался от этой мысли. Какой смысл подобным образом разруливать ситуацию с какой-то безобидной бабулей после того, как со мной происходили невыносимые вещи, и более того, продолжают происходить.

Так, если я не знаю, что со мной творится и чего ждать в любой следующий момент, то строить планы на далекое будущее неактуально, но сориентироваться, что делать сейчас, «куда бежать и где спастись» – вполне разумно. Конечно, если допускать тот факт, что мой разум затмился не окончательно.

Как и прежде решил действовать импульсивно. Раз уж мы в Москве, надо ехать домой, к счастью, я отчетливо помню свой адрес.

Я в белом халате и махровых гостиничных тапочках. М-да, прикид как раз для того, чтоб путешествовать по многомиллионному городу, но выдумывать что-либо в направлении поиска какой-нибудь более цивильной одежды нет ни сил, ни желания. Доберусь домой, а там, как говорится, и стены помогают. Правда, я с места боюсь сдвинуться, чтобы не попасть в оче-

редное приключение, а успешное возвращение в родные пенаты и вовсе кажется призрачной мечтой.

Не дожидаясь пока моя милая собеседница начнет очередной сеанс психотерапии, я в этом не замысловатом одеянии направился к выходу. Горничная, в свою очередь, так и не дождавшись ответов на свои вопросы: кто я, что я, и как я, только по инерции отшатнулась в сторону, когда я проходил мимо нее. Она хотела что-то сказать, но прервалась на полуслове. По всей видимости, ей не совсем было понятно, почему загадочно появившийся и, похоже, не совсем вменяемый парень уходит без каких либо объяснений, да еще и прихватив гостиничное имущество. Но, видимо, решила воздержаться от возмущений, от греха подальше.

По длинному коридору, устланному красными ковровыми дорожками, я пошел к выходу, ориентируясь по светящимся указателям со стрелкой и надписью «exit».

Я шел быстрым шагом, движимый желанием – как можно скорей попасть домой. Какой-то дикий страх перед неизвестностью породил нервозность и даже злость. Мне хотелось только одного – закрыться в своей квартире на все имеющиеся там замки и спокойно, с чувством безопасности, разобраться в происходящем.

Вышел к лифту. Нажал на кнопку вызова. Нажал раз десять, как будто от этого лифт приедет быстрее. Дождался, дверь лифта открылась почти бесшумно. Секунд пять стоял как застывший, не решаясь зайти в кабину. Посмотрел налево – надпись «лестница». Пос-

мотрел назад – надпись «двенадцатый этаж». Лучше пойду по лестнице. Обычно я не боюсь ездить в лифте, и вообще, меня не пугает замкнутое пространство, но с удачей, которая меня преследует в последнее время, по лестнице будет безопасней.

Также быстро, почти бегом, целенаправленно иду вниз. Одиннадцатый, десятый, девятый – только и мелькали цифры указывающие этажи. Где-то между четвертым и третьим этажами увидел поднимающуюся мне на встречу еще одну труженицу гостиничного бизнеса, только эта была значительно моложе и куда симпатичней. Окажись я здесь при других обстоятельствах, непременно попытался бы ее «склеить», но в этот раз у меня даже мысль такая не зародилась, что в принципе, и не удивительно при нынешнем положении дел.

Увидав меня, она не скрывая удивления, выкатила глаза так, что казалось, они сейчас выпадут. Она остановилась и провожала меня взглядом весь мой недлинный маршрут, следующий мимо нее вниз по лестнице.

Но плюс к удивлению она не испугалась, а наоборот, ее развеселил вид мужчины, разгу-

ливающего по гостинице в белых тапочках.

– А что уже заселяют? – с сарказмом прокричала она мне в след, перевалившись через перила так, чтоб как можно дольше удерживать меня в поле зрения.

Меня совсем не развеселила эта реплика. Я никак не отреагировал на этот вопрос, который, в принципе, и не нуждался в ответе, а продолжал бежать по лестнице, все быстрее перебирая ногами по ступенькам.

Добежав до первого этажа, с силой толкнул дверь ведущую в холл. Передо мной открылся вид на стойку администратора, за которой стоял клоун.

А это что за чудо?!

Реальный клоун. Желто-синий комбинезон с большими пуговицами-помпонами, кружевной воротник, кружевные манжеты, круглый красный нос, размалеванное лицо, рыжий парик.

Тебя мне только не хватало! Выглядишь ты конечно безвредным, но и повар тоже изначально не вызывал опасения, а вот дробовик, внезапно появившийся в его руках, смотрелся куда страшней. Только бы ты не удивил меня

своей изобретательностью агрессивного происхождения!

Просто пройду мимо него, ни медленно, ни быстро. Думаю, в силу его одеяния мой внешний вид его смутить не должен.

Иду спокойно, насколько это возможно в моем состоянии. Надеюсь со стороны не видно, что у меня даже ягодицы напряглись так, что хрен лезвие просунешь. Лицо – «валенком». Голову в его сторону не поворачиваю, только изредка бросаю косые взгляды, чтоб если что, среагировать на возможные неадекватные действия этого шоумена.

Он улыбается. А может, и нет, у него макияз такой – не разберешь какое настроение у него на самом деле. Но смотрит пристально, ни на секунду не сводя с меня глаз. Стоит и смотрит. Я иду, а он просто смотрит. Хоть бы ты так и простоял, пока я не выйду отсюда.

Шаг за шагом продвигаюсь к выходу. Я уже вижу через стеклянную дверь, которая ведет на улицу, как там снаружи ходят люди и по проезжей части снуют машины.

Прошел клоуна, тот так и не шелохнулся. Теперь он сзади, и я даже боковым зрением не

могу увидеть – сверлит он меня своим взглядом или нет; от чего мне, откровенно говоря, легче. Может, он вообще исчез? Я этому не удивлюсь, но насколько будет спокойней!

Только я об этом подумал, как тот подтвердил обратное. У меня за спиной прозвучал пронзающий, мерзкий гудок клаксона. Звук был настолько громкий, что я непроизвольно дернулся, пригнул голову и только через две-три секунды решился обернуться и посмотреть в сторону клоуна.

Он вышел из-за стойки и весело вприпрыжку направлялся ко мне. В одной руке он держал клаксон, а в другой какой-то бумажный цветок.

– Куда же ты, мой друг? – дурацким голосом, таким как будто он выступает на цирковой арене и пытается развеселить детишек, обратился он ко мне, – ты же не видел ни одного моего фокуса, я покажу тебе свой любимый!

Может он решил, что это смешно до опупения и я буду в восторге от его дебильного юмора, но мне было ни хрена не весело и я совсем не оценил эти примочки со звуковыми эффектами и сраным конфетти в его руках.

Мое эмоциональное напряжение достигло своего апогея, настоящий гнев накрыл меня с головой. Я воспрял духом, и, уже не контролируя себя, руководствуясь исключительно своими закипевшими эмоциями, ринулся клоуну навстречу. Приблизившись к нему в плотную, сильным ударом локтя в голову я потушил этого юмориста. В момент обмякшее тело клоуна рухнуло на пол. Теперь он лежал смиренно, не раздражая меня своими гудками и идиотскими высказываниями.

В этот удар я вложил всю свою злость, которая накопилась во мне на тот момент.

– Какой я тебе друг, урод разукрашенный!
– с чувством удовлетворения бросил я, уходя от распластавшегося посреди гостиничного холла клоуна.

ГЛАВА 5

Наконец-то, вышел наружу. Не оглядываясь по сторонам, напрямик направился к проезжей части, которая находилась недалеко от центрального входа в гостиницу. Встал у края дороги и вытянул руку, чтобы поймать такси.

Остановилась желтая «Волга» с рекламой какого-то японского ресторана на крыше. Я открыл переднюю пассажирскую дверь, заглянул во внутрь. Таксист – молодой парень, в абсолютно нормальной одежде по сезону и даже по моде. Отлично, а то я уже ждал, что за рулем будет Фредди Крюгер или старик в костюме Санта Клауса.

– Улица Ярцевская, – назвал я ему пункт назначения.

– Сколько денег? – спросил таксист.

– А сколько надо? – ответил я вопросом на вопрос.

– Пятьсот рублей, – сухо постановил он.

«Шкурит собака, отсюда четыреста рублей максимум, но если учесть, что в кармане у меня полный ноль, то торговаться глупо.»

– Хорошо, только у меня при себе денег нет. Давайте, когда доедем, Вы со мной в квартиру поднимитесь, и я с Вами там рассчитаюсь, – сказал я ему в надежде, что тот не будет ломаться и мне не придется его долго уговаривать.

К моему удивлению, таксист ни секунды не сомневался, только кивнул головой, указывая на то, что я могу присаживаться.

Сев в машину, сразу накинул ремень безопасности, не дожидаясь пока он меня попросит. Я сам езжу за рулем и знаю, что в последнее время гаишники уже не смотрят на это нарушение правил дорожного движения сквозь пальцы.

У меня не было никакого желания разговаривать. Мне совсем не хотелось, чтобы любопытство взяло верх над таксистом и тот начал бы задавать вопросы, относительно моего внешнего вида, и проявлять чувство солидарности, подбадривая меня высказываниями в

роде: «с кем не бывает, это не страшно» и тому подобное.

Но тот выглядел так, будто ему абсолютно наплевать на то, как я одет и почему я так одет. Человек, у которого на лице написано безразличие ко всему.

Меня это радовало и настораживало одновременно. Любой другой на его месте, проявил бы хоть какое-то удивление, а этот – вообще, нет. Будто он каждый день катает людей в домашних халатах.

Ладно, я в такси. Еду домой. А там разберусь, что к чему.

При съезде на Рублевку попали в пробку, которая практически никогда здесь и не рассасывается. Движемся со скоростью два метра в минуту.

Водитель вставил диск в автомагнитола, заиграла спокойная музыка, что-то из “Enigma”. Я приоткрыл окно, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и под умиротворяющую музыку погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА 6

Не совсем пробудившись от сна, ощущаю, что звук кардинально изменился, слышу гул, очень напоминающий шум метро. Открыл глаза, и в очередной раз испытал шок. Я в вагоне метро. Вокруг люди, но рядом со мной никто не сидит. Я на стандартном, шестиместном сидении – один. Но это не удивительно, ведь я все в том же халате и тапочках. Вагон на половину пустой. Мне хотелось запаниковать, подорваться с места, подбежать ближе к двери, чтобы выскочить из вагона на первой же остановке. Но вместо этого я остался сидеть смирно, даже не вертя головой, только глаза бегали в разные стороны.

Взгляды людей направлены на меня со всех сторон. Кто-то смотрел с откровенным пренебрежением, кто-то ехидно улыбался, а кто-то даже проявлял в своем взгляде жалость.

Напротив меня сидели два взрослых мужика. Они были изрядно подвыпившие, у одного из них в руках была банка пива. Переговариваясь между собой и глядя на меня, они, не сдерживаясь, надсмехались надо мной.

– Смотри, Колян, что тебя ждет, если не бросишь пить, – ухохатывался один из них.

Наконец поезд начал замедлять свой ход. Голос из динамика сообщил: «Станция Киевская, переход на кольцевую и арбатско-покровскую линии.»

Заранее вставать я не стал. Дождавшись, когда состав полностью остановится, и открылись двери, резко сорвался с места и молниеносно покинул вагон с людьми, которых успел повеселить своим гардеробом и перепуганным видом.

Так же быстро направился к эскалатору, встречая на пути изумленные взгляды случайных пассажиров. Подошел ко входу на эскалатор, где образовалась небольшая толкучка. Люди, находящиеся вокруг, старались отодвинуться подальше от меня. Я почувствовал себя прокаженным, но воздержался от осуждения, так как поступил бы на их месте точно так же,

столкнувшись в общественном месте с таким сомнительным типом, каким я выглядел в данный момент.

По большому счету, меня не сильно волновало то, что я ходячий возбудитель такого чувства как удивление у окружающих. Но все-таки из общей массы людей один удивленный взгляд меня смутил довольно сильно!

Это был стоящий на выходе из метро и бдительно несущий службу милиционер.

Когда он увидел меня в таком одеянии, казалось, весь окружающий Мир перестал для него существовать. Он смотрел на меня практически не моргая, как бы боясь потерять из вида. Дождавшись, когда я вместе с потоком общей массы людей подойду к нему ближе, ринулся в мою сторону. Сделал буквально четыре шага, больше похожие на прыжки, и перегородив мне дорогу, произнес до боли заезженный монолог: «Старший сержант Безорчук» – и хотел было продолжить: «Ваши документы», но по всей видимости решил, что дальнейшее общение лучше продолжить в другом месте и уже там разбираться с моими документами и всем остальным.

– Пройдемте со мной, – убедительно попросил старший сержант.

Идя за ним, я догадывался, что мне предстоит стать главным героем сегодняшнего дня, спасая их от тоски нудной службы. Это конечно, если до меня никто к ним не попал в трусах и ластах.

Мы зашли в комнату милиции на станции «Киевская» Московского метрополитена, где, как и предполагалось, скучали еще два блюстителя закона. Один постарше, лет сорока, не высокого роста, с усами, которые делали его немного похожим на кавказца. Другой – по моложе, но с таким же отпечатком на лице, который неизбежно накладывает тяжелая и опасная служба в правоохранительных органах.

Очутившись под пристальными взглядами трех борцов с преступностью, я почувствовал себя сверхнеуютно.

Теперь передо мной стояла очередная проблема выбора, как поступить в данной ситуации. Сейчас на меня обрушится шквал вопросов, и мне остается или отмалчиваться или плести первое, что придет в голову, чтобы хоть как-то объяснить им, почему я шатаюсь в

метро в таком виде. Рассказать правду о том, как я сюда попал, как вариант можно совсем не рассматривать, только зря лишний раз их потешу, а увлекательного путешествия в отдел органов внутренних дел все равно не избежу.

Но как лучше построить разговор? Сказать, что я не буду разговаривать без своего адвоката? Так я ничего противозаконного не сделал! Просто отмалчиваться – тоже как-то глупо. Не отвечать на такие вопросы как: «Назовите свое имя» или «Сколько Вам лет», – уже будет выглядеть подозрительно.

Эх, зачем я голову ломаю, все равно они меня за душевнобольного примут, да я и сам не вижу причин с этим спорить.

– Товарищ лейтенант, здесь гражданин, – начал свой доклад, задержавший меня милиционер усатому офицеру, который, как я понял, был у них старший смены, но от неординарности ситуации не знал, как закончить свою речь, а только добавил глупое, с точки зрения эрудиции, и тупое по звучанию: «Вот».

Лейтенант, видимо привыкший к подобного рода текстам, придирается и требует четкой формы доклада не стал.

– У Вас есть документы, – обратился он ко мне.

– Есть, но дома, – спокойным беспристрастным голосом ответил я на вопрос, который не мудро было предвидеть.

– Почему Вы в таком виде?

Он задал мне вопрос, которого я ждал и боялся. Будь на его месте случайный прохожий, я мог бы, не задумываясь о последствиях, проигнорировать его или послать куда подальше, но здесь все гораздо сложнее. Он здесь именно для того, чтобы задавать такие вопросы. Причем, справедливо рассчитывая на вразумительный ответ, чего я, в свою очередь, сделать не смогу, даже если очень сильно захочу.

Ситуация! Я в тупике. Мое молчание затянулось, ожидание ответа стало ощутимым. Снять груз неловкой паузы взял на себя тихо стоявший до этого, облокотившись на стену, старшина. Его фраза олицетворяла весь тот четко заученный перечень вопросов, которым владеет каждый уважающий себя сотрудник милиции.

– Вы принимали наркотики?!

– Нет! – ответил я, хотя уверенным в этом

не был.

А действительно, может быть, я реально принял что-то сильное, что вызывает некислые галлюцинации. Лежу сейчас под кайфом, никого не трогаю, а в мозгу у меня царит хаос, и чудится мне, будто болтает меня в пространстве туда-сюда.

Почему все так реально? А хрен его знает, что-то очень сильное принял!

Но пока этому нет подтверждения, рисковать и испытывать на прочность нервы стражей порядка не стоит. Вдруг они решат, что я нуждаюсь в профилактике и, исполняя свой долг, будут вынуждены применить ко мне эдакую терапию с использованием заготовленной специально для воспитательно-вразумительных целей резиновой дубинки, которая является практически неотъемлемым атрибутом несения службы на постах.

К счастью, наше не долгое общение протекало в спокойном русле и явной угрозы со стороны сотрудников милиции не было. В конце концов, они призваны защищать, а не подвергать опасности людей, причем независимо от возраста, цвета кожи, половых признаков и

предпочтений в выборе одежды.

Мне в их обществе стало даже как-то спокойно. В силу вышеперечисленных аргументов, я почувствовал себя защищенным, не смотря на то, что в свете последних происходящих со мной событий, доверять им нет никаких оснований.

– Вы имеете при себе запрещенные предметы? Оружие, наркотики? – продолжал радовать слух своими фразами в стиле «а-ля милицейская волна» перехвативший инициативу старшина.

Я невольно посмотрел вниз, осматривая свой халат. Кроме него на мне больше ничего не было, если не считать тапочек. На халате всего два кармана, которые пусты, и это видно со стороны, даже если не заглядывать внутрь. Интересно, где по-твоему я могу спрятать эти запрещенные предметы?

Но старшина, по-видимому, знавший больше меня, куда и что можно поместить, находясь даже в одних трусах, продолжал процедуру, которую наверняка проделывал ежедневно не один раз.

– Выложите все из карманов, – потребовал

он, приближаясь ко мне.

Я покорно опустил руки в карманы, хотя и знал, что они пустые, вывернул наружу, чтобы показать их «стерильность». Старшина развел мои руки в стороны, принялся ощупывать халат. Пошарил по моей спине, по бокам, в общем, провел стандартный досмотр, которым так любят злоупотреблять парни из патрульно-постовой службы.

Убедившись, что при мне абсолютно ничего нет, вернулся в исходное положение.

– Может, все-таки поведаете, как Вас занесло в таком виде в Московский метрополитен? – с достаточно веселой интонацией произнес лейтенант, – Вы что, так спешили, что пред выходом на улицу забыли переодеться?

Меня не развеселило остроумие этого уса-ча, да и, признаться, юмор, конечно, плоский, но делая скидку на то, что он милиционер, можно сказать, что шутка удалась. И от того, что наше общение приняло такой непринужденный ракурс, мне стало еще спокойней и даже настроило на соответствующую волну.

Я подумал, что если стану отвечать в таком же стиле, что-то вроде шутка на шутку, то

удастся парировать вопросы, которые ставят меня в затруднительное положение.

Чтобы не перемудрить с ответами и не показаться заумным или сверхкрасноречивым, решил выбрать ту же плоскость, ориентируясь на ментальность людей в погонах.

– А Вы угадали. Я действительно опаздывал на совещание, и когда вышел из душа обнаружил, что у меня совсем нет времени на то, чтобы переодеться. Подумал, что если приеду в халате – меня поймут. Я работаю в банке, и у нас очень строго относятся к пунктуальности, – изрек я этот бред и сам не поверил, что способен нести такую лажу.

Это слабо напоминало юмор, и, судя по лицам этих ребят, насмешить мне их не удалось, а наоборот, гримаса некогда развеселившегося лейтенанта резко изменилась, и теперь он смотрел на меня грозным взглядом. Наверно, им совсем не понравилось то, как я тупо ответил на вполне конкретный вопрос: «Какого черта я тут делаю в халате?» Более того, вряд ли они не заметили, что эта туфтовая отмазка явно делает из них придурков, и они окажутся правы, если расценят мой сарказм как насмеш-

ку над их многоуважаемым лейтенантом.

– Ты идиот, или нас за дураков держишь?
– резко перешел на ты, возмущенный лейтенант.

Мне ничего не оставалось, как быстро исправлять положение, в которое я сам себя загнал своей неудачно подобранной шуткой.

– Простите, я неудачно пошутил. Понимаете, вчера мы с друзьями отмечали день рождения одного нашего приятеля. Я не рассчитал свои силы и напился до состояния мясной туши, – принялся я врать, отталкиваясь от примитивных жизненных ситуаций, в надежде, что получится более-менее складно, и они не станут относиться ко мне столь строго, – а друзья у меня – ужасные юмористы – переодели меня вот в этот халат и в бессознательном состоянии вывезли в парк, где я и проснулся, дико удивившись происходящему. Я бы не решился ехать на метро, но денег у меня не оказалось, иначе, конечно же, я предпочел бы добраться домой на такси. И вот таким образом мы здесь с Вами и встретились, – закончил я свою речь практически на одном дыхании, оставшись довольным тем, что сочинил. Что-то похожее

на логическое объяснение сложившейся ситуации.

– Почему Вы не договорились с каким-нибудь таксистом, что рассчитаетесь с ним когда доедете? – вставил в разговор свой вопрос все еще придерживающийся тактичности, обратившись ко мне на «Вы», старшина, – я бы точно не решился вот так по общественным местам рассекать!

– А я об этом как-то не подумал. С похмелья не сообразил, – ответил я, решив потешить самолюбие этому «страшно-находчивому» старшине.

Он, наверное, думает, что годы работы в милиции сделали его сверхсообразительным. Не буду же я говорить, что до этого в первую очередь любой критик додумается. Не надо быть гением, для того, чтобы понять, как следует действовать, окажись в подобной ситуации. Вот и я изначально так поступил, только закончилось это тем, что мне приходится здесь для вас байки складывать.

– А друзьям не позвонил, потому что телефона не было?! – вновь взял эстафету вопросов в свои руки главенствующий в этом отделении

лейтенант.

– Не было, – подтвердил я.

– Попросить телефон у прохожих – тоже не сообразил?! – продолжал удивлять своей пронизательностью усатый мент.

– Знаете, я об этом подумал, но потом обнаружил, что не знаю ни одного номера своих друзей. С приходом в нашу жизнь мобильных телефонов, отпала необходимость запоминать все эти цифры, ведь все контакты сразу вносятся в телефонную книгу мобильного.

Лейтенант задумчиво на меня посмотрел, показывая своим взглядом, что мой ответ весьма обоснованный, что само по себе не плохо. По крайней мере, он не будет считать меня сумасшедшим и может быть, не видя в моем лице угрозы для общества, соизволит меня отпустить.

Мысль о том, что я смогу избавиться от этой дотошной компании, мне настолько понравилась, что я решил не упускать момент и дожать, своими здравыми рассуждениями окружающих меня правозащитников.

– Товарищ лейтенант, я ведь ничего противозаконного не сделал, общественный порядок

не нарушал. Никому же нет вреда от того, что я в метро в халате прошелся, – умоляющим голосом затянул я свою речь, – я – коренной москвич, живу на Ярцевской, дом 34, корпус 1, квартира 25; проверьте по своей базе и отпустите меня домой. Пожалуйста! Мне так надоело выглядеть клоуном в этом явно не парадно-выходном наряде, и мне совсем не доставляет удовольствия шокировать окружающих.

Я окинул взглядом всех троих находящихся со мной в комнате милиционеров. Они застыли в раздумье. Такое ощущение, что они полностью согласны с тем, что я сказал, но в силу каких-то невидимых причин их мыслительный процесс замедлен, и для обработки свалившейся на них информации необходимо приложить немало умственных усилий, что занимает какое-то время.

Я же безмолвно ждал реакции лейтенанта, понимая, что дальнейшие события будут развиваться в зависимости от того, какое решение относительно меня он примет.

– Да, своим видом ты не несешь угрозы обществу. Разве что рассмешишь кого-нибудь до смерти, – пошутил снова подобревший лей-

тенант, – но насколько ты чист перед законом мы сейчас проверим.

Он поднял трубку, стоящего на столе телефона, набрал какой-то номер. Пять секунд ожидания.

– Алло, это Жилин, – произнес он, как видимо дождавшись ответа, – тут человека проверить надо.

Немного отвел от уха телефонную трубку и обратился ко мне.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения?

– Лукьянов Денис Олегович, тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.

– Лукьянов Денис Олегович, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения, в Москве, – продублировал в трубку лейтенант, – Москва, улица Ярцевская, дом 34, корпус 1, квартира 25, – добавил он мой домашний адрес.

Хорошая память, я назвал свой адрес всего один раз и то бегло.

– Да, жду, хорошо.

Несколько минут царила атмосфера ожидания. Лейтенант, не отрывая от уха телефонную трубку, постукивал пальцами по столу.

Старшина, сложив на груди руки, безучастно поглядывал в мою сторону. Молодой сержант стоял у выхода, громко сопя мне в затылок.

Судя по выражению лица лейтенанта, он дождался ответа. Его глаза увеличились в два раза, он посмотрел на меня не то удивленно, не то испуганно. Человек с той стороны провода говорил так громко, что в его голосе можно было слышать тревогу. Он говорил громко, с такой интонацией, которой обычно дают наставления.

Меня смутил тот факт, что моя личность, которую на сегодняшний день установить не составляет никакого труда, вызвала ажиотаж. И нигде иначе как в правоохранительных органах. Но я терпеливо ждал, чем это все разрешится.

– Да. Я все понял. Есть, – перед тем как положить трубку произнес лейтенант.

Эти жестко выстрелянные фразы каким-то чудовищным образом внесли резонанс в столь мирное и спокойное, до этого момента, общение.

Старшина, видя как изменился настрой у его начальника, тоже напрягся, глаза забегали

в растерянности. Он, как бы угадывая направление мысли лейтенанта, избавился от привычного для него беззаботного положения и сделал шаг в мою сторону.

Напряжение передалось и мне, тем более что атмосфера нагнеталась, и я далеко не хозяин нынешнего положения, а наоборот, выгляжу совсем неубедительно, в гостиничном халате и махровых тапочках, на фоне трех доблестных представителей закона во все оружие, да еще при исполнении своих служебных обязанностей.

– Старшина, наденьте на задержанного наручники, – будто репликой из кино приказал лейтенант.

От понимания, что все лучшее уже позади я в очередной раз испытал сильное головкружение, затошнило на столько, что казалось вот-вот блевану.

Старшина, практически одним рывком, приблизился ко мне. Прикосновение метала и характерный щелчок, которые указывали на то, что на моих руках защелкнулись наручники, еще больше вселили страх в мое сознание. Тело стало ватным, колени задрожали. Я на-

пряг ноги, в надежде, что будет менее заметно, как они трясутся. Мне дико захотелось присесть.

– Присаживайтесь, – будто прочитав мои мысли, указал на стул лейтенант.

Сам он сидел с другой стороны стола. Слева от него находился большой сейф, на котором лежала стопка листов формата А4. Он взял один лист и положил его перед собой.

Глядя на меня с каким-то недоумением, он произнес слова, которые окончательно растворили во мне остаток надежды на то, что эта история быстро и благополучно закончится.

– Гражданин Лукьянов, Вы задерживаетесь по подозрению в убийстве.

То, что он снова перешел на «Вы» только добавляло остроты, так как вносило ноту официальности в развернувшуюся историю.

Мне хотелось зарыдать от того, что свалилось на мою голову. Я и близко не представлял, какой промежуток времени прибываю в таком непонятном, точнее, совсем непонятном, состоянии.

В моем сознании произошел какой-то бунт. Полный хаос охватил все мои мысли. Я мечтал

проснуться, протрезветь, выйти из комы. Что угодно, только бы оказаться в другом месте и с облегчением сказать: Хорошо, что это все неправда! - и продолжать жить нормальной, как и раньше, жизнью.

Я почти произнес: «Я никого не убивал», но сдержался, понимая, что эта фраза уже заезжена в фильмах и на страницах детективов. Да и в них эти слова не имеют никакого веса. Так что, лучше воздержаться от ненужных реплик.

Пожалуй, самое время прибегнуть к словам, которые так же часто используются сценаристами в киноиндустрии и авторами книг, но несут куда больше пользы, применяя их на практике – «я не буду разговаривать без своего адвоката».

Новая волна размышлений принесла с собой очередную порцию адреналина. Мне стало жутко от того, что в моей голове промелькнула мысль, будто я, действительно, мог кого-нибудь убить, сам того не ведая.

Если вдуматься и проанализировать происходящее со мной – нельзя отрицать тот факт, что потеряна грань, связывающая меня с чем-

то четким, в чем можно было бы быть абсолютно уверенным. Я не знаю, что со мной творится, не могу с уверенностью определить, где реальность, а где... Не пойми что! Ни то сон, ни то безумие.

Безумие! Эта мысль прострелила от макушки до пят. Сердце замерло. Мозг боялся принять это как вариант, как объяснение тому, что происходит, так как это многое расставило бы на свои места.

Медицина знает много о провалах памяти, раздвоении личности, при которых человек не может вспомнить, что с ним происходило в тот или иной момент. Шизофрения, о которой я ни черта не знаю, но уверен, психиатры многое о ней могут рассказать, от чего станет не по себе. И много других психических заболеваний.

Мозг – самая неизведанная часть человеческого организма! Так почему он не мог проявить по отношению ко мне черный юмор?!

Лейтенант взял со стола гелиевую ручку. Я терпеть не могу эти гелиевые ручки, поэтому мне сразу бросился в глаза заголовок, который он написал на листе – «Протокол».

– Хотите что-нибудь рассказать органам милиции или будете продолжать настаивать на своей нелепой истории про друзей с их необычным чувством юмора? – спросил лейтенант, практически не отрывая глаз от протокола, в который заканчивал вписывать мои данные.

Конечно, мне хочется рассказать многое. Пожаловаться, или даже попросить о помощи, но боюсь своими откровениями я только усугублю свое положение.

В ответ я только качал головой, давая понять, что ничего не хочу добавить к уже сказанному.

– Хорошо, напишем твою байку. Мне же проще, меньше писанины, а там пусть следствие тобой занимается, – вернулся к фамилярности лейтенант.

Он закончил истязать, этот проклятый клочок бумаги, именуемый «протоколом», поставил внизу дату и свою подпись. Затем пододвинул его мне и развернул так, чтобы я мог прочитать написанное в нем.

– Ознакомьтесь и подпишите, – прокомментировал свои действия лейтенант, протягивая мне гелиевую ручку.

Я быстро прочел содержание протокола. Ничего лишнего лейтенант в него добавлять не стал. Кратко изложил то, что я успел нафантазировать о дне рождения, которое закончилось для меня пробуждением в парке и плавно перетекло, вернее, переехало в вагоне метро в отделение милиции.

Я автоматически взял предлагаемую мне ручку, и хотел было подписаться под этой ахинеей, которую сам и выдумал, но не стал этого делать, понимая, что тем самым запутаю не только следствие, но и себя самого, а мне так хочется, чтобы в моей голове хоть немного упорядочилось.

Я положил ручку на стол, тем самым демонстрируя свой отказ от того, чтобы заверить своей подписью написанное в протоколе.

Лейтенант ехидно улыбнулся.

– Странно, что Вы не хотите подписать. Здесь все записано с Ваших слов, ничего лишнего, – протянул он с издевкой, – ну и ладно, Ваше право. Хотя, как известно, чистосердечное признание не освобождает от уголовной ответственности, но взывает к лояльности со стороны судей.

Я никак не отреагировал на это злорадство. Я ни на что не реагировал. У меня не осталось сил ни на какие реакции вообще в принципе.

Я не вижу себя в зеркале, но если мое внутреннее состояние хоть в десятой части проявилось на лице, то я сейчас бледный как моль, с пустыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть кроме обреченности.

На это обратил внимание и лейтенант. Улыбка сошла с его лица. Осознав то, что его шутки не уместны, он посмотрел на меня с откровенной жалостью, что казалось абсолютно ему не свойственно.

– Старшина, посади его в клетку. Пусть отдохнет там до приезда конвоя. А ты, сержант, можешь идти на пост, – отдал приказы своим подчиненным лейтенант.

Я вошел за решетку, отделявшей чуть меньше половины комнаты, в которой мы находились. Старшина захлопнул калитку снаружи. Попросил просунуть руки между прутьями, из которых была сделана эта клетка, для того чтобы снять наручники.

Я сел на скамейку, облокотился на стену и

закрыл глаза. Надежда умирает последней, вот и я все еще рассчитывал на то, что в какое-то мгновение, все тем же загадочным способом, окажусь где-нибудь в другом месте, и там будет лучше и спокойней. Хорошо, если это будет моя квартира, где я заварю себе кофе и с облегчением вздохну: «Мой дом – моя крепость!»

Со мной в кабинете остались лейтенант и старшина, которые обсуждали между собой – насколько вероятно, что я кого-нибудь убил или может быть просто вышла ошибка. Они, в силу профессиональной привычки, начали выдвигать версии, но, в итоге, обоюдно склонились к мнению, что я невменяемый, и прибил кого-то в очередном припадке агрессии, который был вызван каким-то психическим заболеванием.

Но я их уже почти не слышал. Под их монотонный бубнеж я уснул.

ГЛАВА 7

Проснулся от оживления, которое возникло вокруг меня. Глаза еще закрыты, но понимаю, что вновь вернулся к мучительной реальности (если допустить, что это и есть реальность). Страшно размыкать веки, чтобы увидеть, где я, с кем и в чем. Сон, который казалось длился считанные секунды, не подарил новых сил. Я чувствовал дикую усталость, головную боль и моральное изнеможение.

Глаза резко открылись сами собой от внезапно возникшего глухого металлического стука. Я в той же клетке при милицейском участке, но наш коллектив пополнился еще двумя сотрудниками милиции.

Прибыл конвой, чтобы меня доставить в другой казенный дом, где моя увлекательная история будет разбираться более детально и с большим энтузиазмом, чем проявил ко мне

лейтенант.

В силу опыта, который бывалый мент накопил за долгие годы службы в правоохранительных органах, лейтенант четко понимал, что инициатива всегда ебет инициатора и чем меньше углубляешься в суть, тем более не своего дела, тем меньше имеешь головной боли и ненужной писанины. Его задача заключается не в том, чтобы докапываться до истины, устанавливать мотивы преступлений, а всего-навсего – по возможности пресечь правонарушение, задержать злодея и благополучно передать его коллегам, которые и будут по уши зарываться во всевозможные бумажки, составленные, чтобы выдержать все нормы уголовно-процессуального права. Тем временем как наш лейтенант, ограничится протоколом и актом задержания.

Это удел молодых, не так давно поступивших на службу в ряды доблестной милиции, руководствуясь юношеским максимализмом и детской романтикой, будучи простым постовым, вести себя так, будто он следователь и оперативный работник вместе взятые. Что практически неизбежно ведет к целому ряду

проблем, начиная с насмешек старших коллег и заканчивая «разгоном» от начальства, дополнительными поручениями относительно того дела, которое они начинали с таким рвением восстановить справедливость.

Источником звука, который заставил меня окончательно пробудиться, являлось соприкосновение дула автомата с окрашенной серой краской решеткой, за которой находился я.

Один из конвоиров смотрел на меня с придурковатой улыбкой. В руках он держал автомат “Калашникова”. Его так и распирало что-нибудь состричь.

– Подъем, с вещами на выход, – с той же идиотской улыбкой сказал прибывший по мою душу конвоир в звании целого прапорщика, – пора переезжать в заведение с более строгим режимом.

От него даже не веет, а фонит злорадством. По его выражению лица видно, что он безумно любит свою работу. Власть, которая ему дана, сделала из простого человека с вызывающе паршивой внешностью и, отталкиваясь хотя бы от этого, кучей комплексов, невероят-

но могущественного, практически, всесильного карателя.

Его «прелесть» в том, что он никогда в жизни не упустит возможности воспользоваться своими полномочиями и при необходимости, которую он видит чуть ли ни в каждой ситуации, превысит их. А в рапорте аргументирует это тем, что действовал так по тому, что его вынудили внезапно возникшие обстоятельства.

Люди его породы страшнее тех, кто выглядят злыми и ведут себя вызывающе дерзко. С теми – веди себя тихо, не лезь на ражен – и не будет неприятностей. Но такие как прапорщик, с ехидной улыбкой и усыпляющим бдительность весельем в глазах, могут удивить в любой момент.

Как правило, их жестокость поражает даже самых хладнокровных. Но в этом и заключается весь ужас. Они не хладнокровные, а наоборот – получают удовольствие от того, что причиняют страдания другим.

Опасность в столкновении с таким человеком кроется еще и в том, что он будет всячески тебя провоцировать, с целью получить

повод применить свою власть на практике.

На его приказ я отреагировал достаточно спокойно, лишь посмотрел на него с пренебрежением, какое всегда испытывал к таким ублюдкам, у которых на лице их мерзкая натура наложила несводимый отпечаток.

– Он что, тупой или пришибленный? – задал лейтенанту вопрос, не требующий ответа, долговязый прапорщик, недовольный тем, что я не подорвался в ужасе после его приказа.

Лейтенант, знавший этого конвоира или людей его типа, лениво отмахнулся.

– Да не грузись, он, по ходу, душевно больной, – произнес он сухо.

– А мне похер! Есть закон, который он грубым образом нарушил! И есть правила, требующие подчиняться представителю власти! Милицию надо уважать, не зависимо от душевного состояния, – с наслаждением высказался прапорщик, напрягая голосовые связки, чтобы звучать более грозно.

– Ну, что он там нарушил, это пускай следствие выясняет и судья решает, а наше дело маленькое, – как бы встал мне на защиту

лейтенант.

– А, все равно, похер, – отреагировал на непонимание прапорщик, – спорим, я его по дороге в отдел расколю. Он на дуру косит, чтобы от тюрьмы отмазаться. В психушке, полюбому, лучше, чем на зоне.

Парадокс в том, что ему действительно «похер», он просто получает кайф от того, что делает, и правда его интересует меньше всего.

– Он телку замочил по своим личным мотивам, а потом врубился, что срок не детский замаячил. Вот и начал рассекать по общественным местам в таком прикиде, как раз рассчитывая на то, что вы его тут поймаете. А потом, то и дело заливать: «ничего не помню, ничего не знаю», – типа: «крыша у меня поехала», – продолжал рисоваться своим аналитическим складом ума, с виду абсолютно тупой, прапорюга.

Но мне был безразличен его талант распутывать «преступления века» по горячим следам. В моей голове застряла услышанная фраза относительно того, что, как выясняется, моя

жертва – какая-то женщина, именуемая этим интеллектуалом «телкой».

– Задержанный встать, лицом к стене, руки за спину, – прокричал, войдя ко мне за решетку, горе-автоматчик.

Я выполнил приказания, дабы не навлекать на себя беду. Да и выбора у меня нет, кроме как подчиняться людям, которые с недавних пор взыскали право ограничивать мои свободу и действия.

Прапорщик надел на меня наручники. Как и предполагалось, он не был гуманистом, и сжал их на запястьях до отказа так, что стало реально больно.

– Давай на выход.

В сопровождении «злобного юмориста» и еще одного конвоира, до этого безучастно стоявшего у выхода, я покинул комнату, в которой остались лейтенант и старшина.

Снаружи я снова увидел бурный поток людей, текущий в основном в двух направлениях – одни спускались вниз по эскалатору, другие сходили с него, устремляясь к выходу из метро.

Сквозь эту массу людей, не зависящих друг от друга, но оказавшихся в одном месте и в одно время, мы пробирались к выходу на улицу.

Весь наш путь, от комнаты милиции до выхода, прапорщик демонстративно держал меня за рукав, как бы подчеркивая: «Смотрите граждане, вот он – преступник. Он был пойман и обезврежен доблестными сотрудниками милиции».

Выйдя из подземки, я увидел припаркованный буквально в двух шагах от нас, милицейский УАЗик, на котором было написано, правда, не черным по белому, а белым по синему – «милиция».

Судя по всему, на нем мне и придется продолжить свое путешествие.

– Карета подана, можем загружаться, – в своем же стиле сообщил прапорщик, открывая дверь автомобиля.

В машине водитель и еще один конвоир, причем тоже вооруженный автоматом.

Забравшись вовнутрь, наш «дружный коллектив» разместился так, что «гнилой» прапорщик оказался напротив меня.

Его ухмылка указывала на то, что все время, которое мы проведем вместе, будет сопровождаться неприятным для меня и увеселительным для него общением.

Мне очень хотелось избежать всевозможных разговоров и издевок с его стороны, но, к огромному сожалению, не я здесь командую парадом.

Машина тронулась с места, и мы синхронно закачали головами под воздействием того, что автомобиль совершал маневры и поддавался неровностям дороги.

– Ну так, за что ты бабу завалил? – спросил меня прапорщик, уверенный в том, что я умышленно притворяюсь сумасшедшим, но не являюсь таковым.

Я же все больше склонялся к тому, что находясь в состоянии, когда теряешь грань между реальностью и чем-то необъяснимым, то это вполне можно назвать сумасшествием.

Понимая, что дотошность этого гения по натуре и мудака по природе приведут к тому, что мне все равно придется отвечать на его вопросы, я решил не усложнять свое и без того затруднительное положение и постараться де-

ржаться молодцом, то есть, действовать по обстоятельствам.

– Я не помню, чтобы кого-нибудь убивал,
– твердо ответил я.

– Так ты допускаешь вероятность того, что мог кого-то убить и, просто напросто, об этом забыть?

Да, этот занудливый мент не такой тупой, как кажется на первый взгляд. По крайней мере, он умеет широко мыслить и играть словами, что явно не идет на пользу тому, чтобы облегчить мне этот имитируемый допрос в стиле психологического воздействия на подозреваемого.

При всем при этом, он оказался прав. Я действительно допускаю возможность того, что находясь в неконтролируемом состоянии, мог сделать что-то совершенно для меня неприемлемое.

С одной стороны, глупо подписывать себя под столь тяжкое преступление, не помня ни малейшей детали из того, в чем тебя обвиняют. В конце концов, может оказаться так, что меня просто подставили. Подсыпали какого-нибудь хитроумного зелья и подстроили все

так, что в конечном итоге я и сам поверю, что сделал это.

А память? На нее в наше время легко воздействовать с помощью изобретений истинных гениев в области медицины, психиатрии и т. д. Уже давно используется электросудорожная терапия, заключающаяся в том, что через головной мозг пропускается электричество напряжением до 460 вольт, что приводит к временной амнезии. Так, где гарантия, что нельзя добиться полной потери памяти или стереть из нее отдельные моменты.

И это только то, о чем я слышал. А если вспомнить о том, что в засекреченных спецслужбах не первый год практикуются разные способы воздействия на подсознание человека, не редко применяемые к своим же сотрудникам, то версия о «подставе» не кажется такой уж нелепой.

– Меня подставили, – произнес я, испытывая некую радость от того, что «нащупал» еще один вариант того, что могло со мной произойти.

Человек верит в то, что хочет верить, вот и я в тот миг, как только мою голову посетила эта мысль, искренне поверил в то, что не мог

никого убить, а все это подстроено.

– Да ну?! И ты даже знаешь, кому это выгодно, – усомнился прапорщик.

– Нет, не знаю. Кто точно не знаю, но доброжелателей у всех хватает, – с большей уверенностью в своей невиновности, продолжал я.

– Ну, хотя бы предположения? Может, в последнее время у тебя были с кем-нибудь конфликтные ситуации или напряженные отношения?

Ну вот, он окончательно вжился в роль следователя. Мне эти вопросы еще не раз зададут. Это, точно, что-то вроде генеральной репетиции получается.

– Сложно сказать. В такой ситуации, почти всех подозревать начинаешь.

– А на психа ты не похож, рассуждаешь логично, – подметил прапорщик.

– Я и не говорил, что я псих.

– А тебе и не надо. Это психиатры решать будут. Но мне почему-то кажется, что ты и им мозги запудришь, уж больно ты грамотный какой-то.

– Я мозги никому не пудрю. Просто я ока-

зался жертвой событий.

– Мне хоть не заливай, – резко прервал меня прапорщик, – жаль, что в наше время перebarщивают с гуманизмом и вас, «жертв», нельзя трогать. А то я бы быстро из тебя правду вышиб, жертва неуравновешенная!

Его резкий тон заставил меня воздержаться от лишних высказываний. В разговоре с этим чудовищем следует вести себя осторожней. Он ведь как собака, которую хозяин сильно не наказывает за то, что она кусает прохожих.

– Слушай, а это идея! Своими скромными усилиями мы можем докопаться до истины, – с детским азартом сказал прапорщик, рьяно вытаскивая резиновую дубинку, – а потом просто составим рапорт, что задержанный оказывал сопротивление.

Меня встревожил настрой этого борца за справедливость.

– Я уверен, ты постепенно начинаешь вспоминать, как все было, – злобно и ехидно сказал неугомонный прапорщик.

Он смотрел на меня, то сгибая, то разгибая дубинку.

В какое-то мгновение он почти без замаха

ударил меня этой дубиной по ноге, чуть выше колена.

Нельзя сказать, что удар был сверхсильным и что боль от него невероятная, но, в совокупности с напряженной атмосферой и простым человеческим испугом, эффект получился, как от применения электрошока.

Я заметил, что от этого незначительного события паника возникла только в моей голове, так как все остальные были невозмутимы как и прежде.

– Я уверен ты вспоминаешь, – еще тверже повторил прапорщик.

– Послушайте, я, действительно, ничего не помню! И вряд ли силовые методы здесь помогут! – среагировал я на его настойчивость.

– Че?! – возмутился этот садист.

Удар пришелся на мое плечо, и на этот раз по-настоящему больно.

– Ладно, заканчивай, – пресек разгулявшегося прапорщика младший лейтенант, который до этого сидел с абсолютно равнодушным видом.

– Что? Ты тоже сторонник гуманизма? – недовольно бросил ему в ответ прапорщик,

– вот такие уроды как он, мочат молодых девчонок и им все с рук сходит, потому что такие как ты слишком добрые и лояльные.

– Да мне насрать, пусть он хоть целый га-рем вырежет! Пусть этим следаки занимаются, а мне из-за тебя не хочется в управе за побои отписываться. Меня семья дома ждет. А тебе если нечем после работы заняться это твои проблемы.

– Да ладно, не парься, нахрен он мне нужен, – уклонился от дискуссии прапорщик.

Наш «спецкар» остановился перед большими железными воротами. КПП районного отделения милиции.

Вошли в здание. Далеко меня не повели, почти у входа, напротив дежурной части, было сооружено место для заключения задержанных, отгороженное решеткой, такой же, как в комнате милиции подземки. Разница только в том, что здесь немного больше места и имелись еще две изолированные камеры, в одной из которых меня и разместили.

Сняли наручники. Ощущения сравнимы с тем, как снять туфли, которые тебе немного жмут после того, как ты в них отходил целый день.

Свет в камеру попадал через маленькое окошко, на котором тоже установлена решетка. Вот тебе и небо в клетку

Побеленные стены, давно почерневшие от сырости, изуродованная деревянная скамейка. Атмосфера куда ни нахрен скверная.

Металлическая дверь захлопнулась у меня за спиной, и света в камере стало еще меньше. Такое впечатление, что попал в пещеру.

Оставшись в одиночестве, я испытал большое облегчение от того, что избавился от злощастного прапорщика.

Усталость одолела меня окончательно, и я обессиленный рухнул на скамейку. Меня страшно клонило в сон, и я не видел никакого смысла с этим бороться. Лег на бок, поджал колени и, не пытаясь уместиться по удобней, что естественно бесполезно, уснул крепким сном.

Проснулся от того, что отлежал бок и затекла рука, которую использовал вместо отсутствующей здесь подушки.

Подумав о том, как бы необычно выглядело, будь здесь подушка. Даже улыбнулся. Вряд ли тут меняли бы каждый день наволочки или выдавали каждому задержанному персональную. И гипотетически, присутствующая

здесь подушка очень быстро вписалась бы в этот жуткий интерьер.

Медленно, от боли, вызванной тем, что долго находился в неудобной позе, начал подниматься, желая принять вертикальное положение.

Не закончив задуманное, замер в положении полусидя. Такое ощущение, что и сердце остановилось, не решая сделать очередной удар.

Но эта пауза длилась недолго, и вскоре сердце отчетливо дало о себе знать, забившись в груди как сумасшедшее.

Я обнаружил, что в камере нахожусь не один. Рядом со мной на скамейке сидит какой-то дед. Благо, что он сидит неподвижно, а то, если бы он сделал хоть одно резкое движение, точно мог бы случиться разрыв сердца.

Волна неожиданности прошла, и я все-таки смог принять положение сидя. Теперь мы вдвоем сидели в полуметре друг от друга, неподвижно и не произнося ни звука.

Я повернул голову. Рассмотрел своего сокамерника – дедуган, на вид лет семидесяти. Седые, аж белые как снег, волосы. Такая же

седая щетина, указывающая на то, что он не брился дней пять. Но вонь, которая от него исходила, явно давала понять, что не мылся он значительно дольше. Одет в шаровары и рубашку с длинными рукавами, на ногах изорванные в хлам кроссовки, стянутые где нитками, где проволокой, сохраняя хоть какую-то пригодность.

Первая мысль – БОМЖ.

– Ты давно здесь? – спросил я его.

– Примерно час, точно сказать сложно. У меня ведь часов нет. Были, но я их продал. Хорошие часы были, командирские. Мне их как герою труда вручили, и медаль у меня была за отвагу, – пробормотал дед, не поворачивая головы, и даже не переведя на меня взгляд.

– Ну понятно, – не став дослушивать его околесицу, произнес я мысли вслух.

Супер!! Я во вшивой камере с вонючим бомжем. Просто замечательно! Когда б я еще с бомжем пообщался?

Я – успешный бизнесмен. У меня три салона красоты и бутик модной одежды. Мой круг общения в рабочее время замыкается на красивых стилистках и милых консультантках, от

которых всегда пахнет шикарными ароматами. От них веет свежестью и ухоженностью. В конце концов, я сам принимал их на работу! А в нерабочее – встречаюсь с друзьями, которые разделяют мои взгляды в выборе одежды и образа жизни.

Я и нищих-то видел только из окна собственного автомобиля, когда они во время пробки подбегали попрошайничать. В таком случае я закрывал или не открывал окно машины.

Я даже забыл, когда последний раз в метро ездил, где можно столкнуться с бомжами. Но и в этом случае тебе нет до них никакого дела.

А тут, пожалуйста, заперт в одной камере, площадь которой составляет не больше шести квадратных метров, с бомжем и, более того, приходится делить с ним одну лавку, так как она здесь всего одна.

– Я не БОМЖ. У меня есть, где жить. БОМЖ – это аббревиатура «без определенного места жительства», а у меня есть, где жить, следовательно, я определен. Я не БОМЖ.

Вот черт, наверное, не заметил, как произ-

нес вслух, так можно и обидеть человека. А в прочем, где я здесь человека увидел. Доходяга немытый.

– А ты думаешь, ты – человек? Ты – человек, а я – нет. Я – доходяга, а ты – человек, – в полголоса пробубнил старик.

– Ты чего, дед? – удивился я.

– Ну, ты же сам сказал «доходяга немытый, где я здесь человека увидел». Стало быть, ты меня человеком не считаешь, а себя считаешь.

– Да я ничего такого не говорил. Я, вообще, молчал.

– Ну да, молчал. Конечно, молчал! Тебе, как человеку, не подобает с бомжем общаться. Хотя я не бомж, мне есть, где жить!

Фигня какая-то. Я же, реально, ни слова не сказал. Он же не может мысли читать?! Все, точно, у меня крыша поехала!

– Конечно, поехала. Стал бы ты в таком виде по метро разгуливать.

– А ты откуда знаешь, что я в метро...?

– Откуда знаю? Знаю. Я, вообще, много чего знаю. Откуда знаю

– Нет, я больше этого не вынесу! Сижу в

какой-то темнице с чокнутым бомжем, который читает мои мысли! – на этот раз громко вслух проревел я, не боясь обидеть старика.

– Я не бомж. Мне есть, где жить. БОМЖ – это аббревиатура

Как крепко я спал! Даже не проснулся, когда этого деда привели. Дверь металлическая, открывается с жутким скрипом и захлопывается с громким стуком, как будто молотом по наковальне лупят. Но я ничего этого не слышал.

А может, его здесь и нет вообще? А может, этот старик с телепатическими способностями всего лишь плод моего воображения, искаженного по непонятной причине? Может, это просто галлюцинация?

– Дед, у тебя курить есть? – спросил я его, с целью выяснить насколько он реальный.

Сигарета вещь материальная и если он мне ее даст, то я смогу убедиться в том, что он действительно здесь физически присутствует, а не просто голограмма моей фантазии.

– Ты не куришь, – с полной уверенностью ответил старик, – если хочешь убедиться в том насколько я реальный, лучше прикоснись ко

мне.

Блин, это точно кошмарный сон! Тебя здесь нет! Люди не умеют читать мысли. Я сошел с ума! Я в камере один! Если не считать мнимого старика.

А вдруг нет. Что если он настоящий?

Нет, я не хочу к нему притрагиваться, он грязный и вонючий. Я брезгую, в конце концов.

От безумия, воцарившегося в моем сознании, голова пошла кругом. Камера начала вращаться вокруг меня вместе с сидящим на скамье дедом, в то время как я стоял в шаге от него и решался на то, чтобы прикоснуться к нему.

Полный идиотизм! Я стою рядом с бомжем, вижу его, чувствую как от него воняет, но сомневаюсь в его существовании!

В какое-то мгновение, из-за сложившейся ситуации и, наверное, плюс ко всему прочему, из-за того, что со мной уже успело произойти, меня охватила волна необыкновенного гнева, который невероятно тяжело сдерживать, и вопрос, прикоснуться до старика или нет, разрешился следующим образом: я со всего маху,

что есть силы, ударил деда ногой в голову. Скамейка низкая, да и дед не высокий, так что, высоко ногу поднимать не пришлось, и поэтому удар получился достаточно мощным.

Старик, без трепыханий, слетел с лавки и при падении с хрустом стукнулся головой о бетонный пол.

Я после своих спонтанных действий съехал так, будто меня окатили ледяной водой.

Меня повергли в шок две вещи: я не мог себя контролировать и нанес этот удар в состоянии, которое мне было совершенно не подвластно, и старик оказался настолько реальным, что я едва не сломал себе ногу о его голову.

Но боль в голени, которая, собственно, и соприкоснулась с черепом деда, меня волновала меньше всего. Сильно беспокоил тот факт, что он лежал на полу, подергивая ногой, видимо, в конвульсиях, а из носа сочилась кровь, в скором времени образовавшая целую лужу.

Все, хана мне! Версия, что меня подставили, потеряла свою актуальность окончательно. Даже если настаивать на том, что меня чем-то

опоили, и я из-за этого съехал с катушек и принялся убивать ни в чем не повинных людей, все равно сути дела не меняет – я чокнулся и совершил тяжкое преступление, а может два или даже больше.

Мне затошнило, я блеванул, причем там, где стоял. Вытер губы рукавом своего не такого уже белого, как раньше, халата, и с очередным приливом тошноты рухнул на пол в бессознательном состоянии.

Пришел в себя. Шишка, которую заработал при падении, болела жутко. Не далеко от меня все так же лежал, распластавшись на бетоне, старик. Глаза у него открыты, но ни малейшего признака жизни в них нет.

К воню, которая от него исходила, добавился еще и омерзительный запах крови.

Сколько времени я был без сознания – сказать сложно, но очевидно то, что в камеру еще никто не входил, иначе, вряд ли сейчас здесь стояла такая могильная тишина.

А вот эти приближающиеся голоса и стук открывающихся замков указывают на то, что эта тишина сейчас кем-то будет нарушена.

Дверь открылась со знакомым скрипом. Через дверной проем в камеру хлынул свет. Я лежу спиной к выходу, поэтому не могу видеть, кто именно вошел в камеру.

– Ничего себе! – откровенно удивился вошедший, – товарищ майор, здесь задержанные друг друга поубивали, – закричал он.

Довольно быстро камера наполнилась людьми. Ажиотаж от произошедшего понятен – хлопот теперь им добавится, как ни как – ЧП.

Я же лежал неподвижно, так как корчить из себя адекватного здорового человека не было ни малейшего желания. Я сошел с ума, так какой смысл париться о том, как теперь следует себя вести. Лучше всего – никак себя не вести!

– Твою мать! Ну почему это должно было случиться именно в мою смену, – заорал один из присутствующих.

Кто-то подбежал к старику, пощупал пульс на шее.

– Этому кранты.

Вот и за мою глотку схватились. Но глаза я намеренно не открываю.

– Этот живой.

– Тащите его на выход! Зовите экспертов. Черт, ну на хрен оно мне нужно!

Меня положили на лавку, лицом вверх. Кто-то додумался оттянуть мне веко, чтобы проверить, как мой зрачок реагирует на свет. Затем руководствуясь скорей инстинктом, а не медицинскими навыками, ударил меня несколько раз ладонями по щекам.

– Ты в порядке? – обратился с вопросом нависший надо мной человек, – что у вас там произошло?

– Что ты там с этим стариком мог не поделить?! – все тем же раздраженным голосом захрипел, как видимо, старший смены, с которого в первую очередь и спросят за это чрезвычайное происшествие.

А вот и тот, который сразу же начнет спрашивать. Старый полковник залетел за решетку, где меня приводили в чувства.

– Товарищ полковник, у нас тут, – растерянно и неудачно начал докладывать дежурный майор.

– Да я вижу – что у вас тут!

Он, не входя, заглянул в камеру, где уже

орудовали в белых халатах и резиновых перчатках эксперты.

– Этого, в халате, недавно привезли. А тут дед без документов, его тоже, – совсем запутался в своих объяснениях майор.

– Ты какого хуя к нему старика посадил? У тебя что, совсем мозгов нет?! – взбесился полковник, – засунуть бомжа к подозреваемому в убийстве...!

Он не бомж. У него есть, где жить. Точней было.

Крики, топот ног, шум, создаваемый суетой, удалялся, и я опять погрузился туда, где царят темнота и тишина. Нет ни запахов, ни ощущений. В общем, я отключился.

ГЛАВА 9

Маленькая комната с высокими потолками. Я лежу на кровати, которая является в ней единственным предметом мебели.

Глаза открыты. Белый потолок, как экран в кинотеатре, но вместо ленты картинку дают блуждающие по кругу мысли.

Злополучный гостиничный халат сменила не менее специфичная одежда. На мне – больничная пижама. Штаны и рубашка с длинными рукавами изначально были белые, но время и многочисленные стирки изменили их цвет ближе к желтому.

На окне, которое открывало вид на больничные корпуса, изрядно поржавевшая решетка, дающая понять, что свобода действий ограничена.

Нет, это не очередное перемещение. Теперь мне не приходится ломать голову над

тем, как я сюда попал.

Если раньше я был сильно озадачен тем, почему со мной происходят немыслимые вещи, то теперь мне стало понятно, что ясность и последовательность сознания сохраняется только при наличии здравого рассудка. А на меня это уже не распространялось.

После того, как в камере при отделении милиции я прервал жизнь ни в чем не повинного старика, моя жизнь потекла в сопровождении людей в погонах и медицинских халатах.

Стресс, вызванный тем, что я убил человека, порвал последнюю струну моих перетянутых нервов. Вопрос о моей вменяемости был исчерпан окончательно, после того как я не смог совладать с собой и ударил старого бомжа.

Желание говорить с кем-либо и о чем-либо у меня отпало, и все следственные действия и медицинские экспертизы отмечались только моим физическим присутствием.

Все попытки следователей и психиатров разговорить меня не увенчались успехом, несмотря на все их старания.

Каждый из них, в силу своих професси-

ональных качеств и навыков, применял свою методику. Сотрудники милиции пробовали вытянуть из меня хоть слово в основном путем запугивания и заезженного «спектакля» – плохой полицейский и хороший полицейский.

Один рисует совсем нерадужную перспективу дальнейшего существования, а другой должен вступить ровно тогда, когда подсудимый будет напуган до явных признаков тошноты и будет готов на все, только бы смягчить свою участь. Именно в этот момент, условно хороший полицейский, до боли доброжелательным голосом, объясняет, что все не так плохо, и он лично сделает все от него зависящее, если тот перестанет отпираться, в моем случае отмалчиваться, и начнет всеми силами помогать следствию.

– Ты хоть понимаешь, какой срок тебе светит? – говорил «плохой», – ты своим молчанием только себе хуже делаешь. Ты для нас вообще вариант праздничный – нам ничего доказывать не надо. То, что ты в гостинице бабу завалил, доказательства не требует, улик выше крыши. Про старика, я вообще молчу! Надо же, прямо в отделении милиции человека уделать.

Я же молчал. То состояние, в котором я находился, не возможно было разрушить при помощи примитивных фраз, которые можно предугадать заранее.

Внешне, моей невозмутимости мог бы позавидовать любой профессиональный спортсмен, за исключением того, что до олимпийского спокойствия мне не хватало самого спокойствия. Я совершенно не чувствовал себя спокойным!

В моей душе, фигурально выражаясь, лежал неимоверно тяжелый камень. Ком в горле едва давал глотать слюну. В мозгах, плюс к панике, будто заевшая пластинка засела мысль: «Я сошел с ума; как это могло со мной случиться?»

Но внешний вид не может на все сто процентов отобразить внутреннее состояние. Поэтому весь этот кошмар выражался лишь обреченностью в глазах и унынием на лице.

Не думаю, что стремление выдавить из меня признание и раскаяние в содеянном имело свое начало в желании докопаться до истины.

Им просто хотелось в очередной раз поте-

шить свое самолюбие – вот мы какие молодцы – с помощью своего профессионализма и бесспорного таланта развязали язык сумасшедшему убийце или убийце, притворяющимся сумасшедшим.

– Думаешь, тебе удастся сделать из нас дураков? Если надеешься на то, что отмолчишься и все - тебя признают невменяемым и поместят в психушку, то я сразу рассею твои надежды, – не сбавляя обороты, усердно пытался меня запугать, играющий роль плохого полицейского, молодой капитан, – ты у нас по полной программе выхватишь. Вначале пострадаешь от рук конвойных, когда попробуешь сбежать от справедливого наказания. Потом я лично позабочусь о том, чтобы в изоляторе подобрали камеру «покомфортней», где твоим соседом окажется не немощный старик, а здоровенный маньяк-насилник. И материалы я на тебя такие составляю, что у судьи не возникнет сомнений на тот счет, какой приговор тебе вынести.

После этих слов, на моем лице должен был бы появиться дикий испуг, который послужил бы сигналом, хорошему полицейскому приступить к исполнению своей роли. Но

к их удивлению, которое им даже не удалось скрыть, эффект от первого акта был нулевым, и в моих глазах кроме тоски ничего нельзя было высмотреть.

Я сидел на стуле, прикованный наручниками к ножке стола, за которым с грозным видом находился по-настоящему разозлившийся капитан. Я сидел сгорбившись, с поникшей к груди головой. Я как бы смотрел в пол, но на самом деле мой взор был устремлен в никуда. Ощущение было такое, что перед глазами какая-то пелена, и будто тени вращаются вокруг меня люди и предметы.

«Хороший полицейский» в звании майора на какое-то время даже замешкал. Он явно был не новичком в этом спектакле и смог бы рассмотреть испуг, порой маскируемый за неуверенной улыбкой или агрессией, но в данном случае, скорей можно было бы согласиться с тем, что человек съехал с катушек, и все это представление не имеет никакого смысла.

На всякий случай майор решил довести действие до конца и приступил к своей реплике.

– Да ладно, не сгущай краски, – обратил-

ся он к угрюмо смотрящему на меня капитану, – на самом деле, я его понимаю. Нет, честно! Чисто по-человечески, если поставить себя на его место, в принципе, он все делает правильно. Может и не хорошо мне, как представителю закона, так говорить, но лично я действовал бы так же. Вполне разумно, используя врожденные актерские данные, добиться изменения режима отбывания наказания в более мягкую сторону. Посуди сам, кому хочется пятнадцать лет на строгаче париться, когда можно в чистой палате отлежаться. Да и безобидные шизики все же лучше, чем зоновские головорезы, – продолжал вести он показательный диалог с капитаном.

Интересно, неужели эта откровенная фальшь на кого-нибудь действует? Хотя, когда испытываешь настоящий страх перед тем, что можешь потерять свободу, а значит время и без того короткой жизни. Страх перед физическими страданиями и томительной неизвестностью могут заставить поверить во что угодно, лишь бы это дало надежду на спасение.

– Приятель, мы слишком давно работаем в органах, чтобы вестись на такие хитрости, – об-

ратился теперь ко мне майор, не меняя лояльного тона, – поверь перед нами ломать комедию нет смысла. С нами можно поговорить как с простыми людьми, мы же не все в протокол записываем. Ты, реально, своим безмолвием себе не поможешь, а мы можем. Расскажи нам просто, не в официальной форме, как и что, а там уже и наши знания законов и степень влияния на твое уголовное дело могут принести свои положительные результаты. Правильно я говорю, товарищ капитан? – завершил он свою часть представления непринужденным вопросом, адресованным капитану, который добрел прямо на глазах.

– В принципе, мне он ничего плохого не сделал. Завалил бабу, может, и было за что, а от старика и так толку мало было на этой земле. Зачем из нас идиотов делать? Мы ведь не роботы, а живые люди и все можем понять, но вот не понимать насколько от нас зависит дальнейшая судьба этого дела – это уже идиотизм, – высказался уже не такой грозный капитан.

Все эти не замысловатые речи не производили на меня никакого впечатления. Я так и не издал ни единого звука.

Медики же не проявляли столько прыти. По большей части, им было все равно – заговорю я или нет. Они проделывали свою работу без энтузиазма, применяя обычные процедуры, которые имели место быть в данной ситуации, с целью установить мое психическое состояние.

В итоге, судебно-психиатрическая комиссия признала меня невменяемым, и решением суда я был направлен на принудительное лечение в спецучреждение.

Вот уже месяц я нахожусь в психиатрической больнице в изолированной одноместной палате, сохраняя немое молчание, но теперь никто не добивается от меня разговорчивости.

Оказавшись в этом заведении, интерес ко мне окружающих резко снизился. Для врачей и санитаров я всего-навсего еще один псих, которого к ним поместили, а убил я кого-нибудь или нет – им абсолютно безразлично. Есть пациент, есть диагноз, есть медицинское заключение и никаких заморочек с уликами, мотивами и тому подобное. Вводи необходимые препара-

ты согласно предписанию министерства здравоохранения и ни о чем думать не надо.

Что касается остальных шизиков, находящихся со мной в одной больнице, то поначалу они уделили мне достаточно внимания. Когда я первый раз вышел в так называемую игровую комнату, некоторые из них подошли ко мне и наперебой начали задавать вопросы в стиле «знакомство в детском саду с вновь прибывшим ребенком»:

– «Как тебя зовут?» – «Сколько тебе лет?» – «Как зовут твоих родителей?» – «А ты принимаешь эти желтые таблеточки, которые здесь дают?» – выкрикивал каждый из них что-то свое.

Я же смотрел в одну точку, не обращая внимание на кучку собравшихся вокруг меня имбицилов. Во мне отсутствовали какие-либо эмоции еще и потому, что перед тем как допустить меня к общению с другими людьми, пусть даже с душевнобольными, меня накачивали успокоительным.

Наверное, даже это не прием лекарств по расписанию, а мера предосторожности. Кому хочется отвечать за то, что буйный псих убил

кого-нибудь из пациентов во время общей прогулки в очередном приступе буйства. Проще напичкать его психотропными препаратами, чтобы на какое-то время он превратился в предмет мебели, не представляющий никакой угрозы для общества.

Санитары, наблюдавшие оживление, вызванное моим появлением, наверняка знающие мой диагноз, от греха подальше по-быстрому разогнали это собрание умалишенных, дабы те не провоцировали рецидив моей болезни.

В дальнейшем я не пользовался такой популярностью среди своих друзей по несчастью, но периодически кто-нибудь из них подходил ко мне с идиотскими вопросами или дурацкой историей:

– Мне снежная королева обещала подарить маленького белого котенка. Он будет жить у меня под кроватью, я его там спрячу. Чтобы его никто не забрал! – говорил один из больных, пользуясь моими беззащитными ушами.

– Я не люблю свою мать. Она в детстве меня била. Поэтому я решил стать космонавтом. Улечу в другую галактику, и она никогда больше не будет меня трогать, – изливал свою

больную душу другой.

Мне приходилось выслушивать весь этот маразм, потому что я никак не мог отреагировать на этих «присасывающихся» к моим ушам паразитов.

Они делились со мной своими проблемами, на что-то жаловались или чему-то радовались, но естественно в ракурсе «снежной королевы» или «злой матери».

Порой кто-то посвящал меня в свои сексуальные фантазии. Например, как бы он хотел трахнуть корову или того хуже. У кого-то была мания преследования, и он не забыл выделить для меня место в своем воспаленном мозгу и принять меня за вражеского шпиона, подосланного в больницу с целью выкрасть у него секретную карту, на которой указано место секретной базы.

– Ты думаешь, я не знаю, кто ты? – говорил он мне в полголоса, чтобы другие не услышали, – передай своим, пусть больше никого не подсылают. Вам все равно не добратья до секретной карты, я ее надежно спрятал и вы ее никогда не найдете! Так и передай своему начальству!

Главное, что он подходил ко мне с этим текстом с завидной регулярностью, несколько раз в день. Только называл меня все время по-разному: то агентом британской разведки, то немецким шпионом или даже сотрудником ЦРУ из Пентагона.

Самое ужасное то, что, не смотря на мое жуткое состояние, ясность ума у меня сохранялась как и раньше.

Да, теперь у меня не было сомнений на тот счет, что я испытываю очевидные проблемы с памятью и контролем над какими-то действиями. Но я не считал себя английским шпионом и не общался со снежной королевой и прочими сказочными персонажами. Я просто чувствовал себя парализованным. Меня будто заточили в собственном теле, которое больше не в состоянии было реагировать на внешние раздражители.

Я потерял дар речи, не потому что мне просто влом стало разговаривать, а из-за того, что больше не мог влиять на свои физические процессы.

Пожалуй, самое страшное, когда мозг работает практически в прежнем режиме, а тело

не поддается желанию сделать самые элементарные действия.

Похоже на чью-то злую шутку. Будто кто-то каким-то образом запрограммировал мой мозг на то, чтобы я мог самостоятельно сходить в туалет – чтобы не выносить за мной утку, поесть – чтобы не умер с голода и дойти, куда скажут – чтобы не таскать меня на себе.

Ну, чисто наказание, посланное мне свыше за грехи мои тяжкие. А если учесть мою «любовь» к дебилизму, то это именно то место, где я должен был очутиться.

Другими словами, я мучительно и томительно наблюдал изнутри себя за тем, как протекает жизнь в психиатрической больнице.

Дверь в мою палату открылась и вошедший в нее медбрат без колебаний, как робот, проделал привычную для него и меня процедуру – вколол препарат, действие которого исключало возможность агрессии с моей стороны.

– Иди на прогулку, – вяло сказал он после того, как сделал укол.

Я, а точнее, мое тело подчинилось беспрекословно, я встал с кровати и направился к выходу.

Прошел по узкому коридору к игровой комнате, где меня ждали хранитель секретной карты, друг снежной королевы, извращенец зоофил и другие мной ненавистные идиоты.

Войдя в комнату, устроился на своем привычном месте, возле стоящего в углу фортепиано.

Все как всегда. Те же лица, те же реплики.

Может потому они и психи, что у них с фантазией слабовато? Заклинило на чем-то одном и все.

А я-то? Тоже разнообразием похвастаться не могу. Изю дня в день – одно и то же. Та же мимика, те же прогулки на стуле возле старого фортепиано.

– Смотри, у меня есть немного яда, – подошел ко мне с очередной порцией бреда один из больных, – я сегодня ночью его выпью. А когда умру, на небесах встречу со своим хомячком. Его зовут Джордж. Но он умер, – зарыдал, грустно закончивший свою историю, шизофреник.

Мне не жалко ни этого психа, ни его хомячка. Я желаю на выбор две вещи: взять у него яд и отравиться, чтобы закончить свои мучения или хотя бы чтоб он от меня отвалил. Но я не могу удовлетворить ни одно из этих желаний.

У него нет никакого яда, и в руке он держит украденный в столовой сахар. А если даже представить, что он у него есть, то я все

равно не могу попросить его, так как уже давно лишен такого удовольствия как разговаривать и, более того, не в силах даже жестами объяснить, и по той же причине не могу его прогнать.

Итак, он несет чушь о самоубийстве, а я не могу заставить себя произнести хоть слово и вынужден очередной раз слушать дауна.

Я смотрю на входную дверь этой комнаты. Мечта о том, что я когда-нибудь вырвусь отсюда и вернусь к прежней жизни – единственное, о чем я могу думать с наслаждением.

Но, как правило, эту иллюзию разбивает жестокая реальность, и наслаждение сменяется невероятной тоской.

Дверь, на которую я смотрел около часа, открылась, и в комнату вошел молодой человек, примерно тридцати лет.

Одет в стильные джинсы и черную рубашку со стразами. Модельная стрижка «творческий беспорядок», мелированные волосы.

Внешний вид и выражение лица указывали на то, что это не один из пациентов.

Может, стажер медицинского института? Тогда почему не в халате? У них здесь с этим

строго.

К нам практикантов часто водят, прям как на экскурсию в зоопарк. Но с ними всегда кто-нибудь из врачей, который посвящает их в нюансы психиатрии.

А этот один и без халата.

Когда он вошел в комнату ни санитары, ни больные не обратили на него внимания, что тоже, само по себе, странно.

Обычно, когда в больнице появляется новый человек, то кто-нибудь из больных обязательно к нему да пристанет со своими навязчивыми идеями, из-за которых сюда и попал.

Он сразу направился ко мне и присевшему мне на уши суициднику.

– Давай, вали отсюда! – сказал крашенный блондин этому самоубийце.

Тот не стал припираться, послушно встал и пошел донимать кого-то другого.

Парень уселся рядом на стул, с которого только что согнал назойливого иезуита.

С одной стороны, он, конечно, сделал мне одолжение – избавил от общения, которое мне совсем не приносило удовольствия, но где гарантия, что он сам не будет грузить меня ка-

кой-нибудь фигней.

– Скучаем? – обратился он ко мне.

Реакции не последовало.

– Наверное, думаешь, что тебе хуже всех. Жизнь – дерьмо и судьба к тебе не справедлива. Ты такой умный, интеллектуально развитый и вдруг оказался заточен в собственном теле. Вот беда! – продолжил он издевательским голосом, – черед безумных событий совсем сбита с толку? Полная неразбериха в жизни и мозгах. А потом еще и провалы в памяти. Человека убил. Старого, но человека. Кошмар. Кошмар, жуть!

А вот после этих слов, первый раз за два месяца с момента убийства старика, я ощутил, что мои эмоции проявились внешне, а не только прокрутились в голове.

Раньше я мог возмутиться, разозлиться, удивиться и так далее, но это было исключительно в моем сознании и никак не отображалось на лице или в глазах. Но после того как этот загадочный персонаж ошарашил меня знанием не только моей истории, но еще и моего внутреннего состояния и даже моих мыслей, я почувствовал, что по моему, казалось, атрофи-

рованному, телу пробежали мурашки.

Я повернул голову и посмотрел на парня.

– О! Да ты делаешь успехи! – с насмешкой произнес он, – так, гляди, и разговаривать начнешь, а там и до здорового румянца рукой подать.

Я хотел спросить кто он, но не смог, так как произношение даже звуков, не говоря уже про слова и предложения, было выше моих сил.

– Послушай, друг мой, до тех пор пока ты не возьмешь себя в руки и не начнешь прикладывать умственных усилий, о физических речь пока не идет, прозябать тебе здесь с тупым видом до конца дней своих, – более серьезным тоном сказал он.

Я не до конца понял, что он конкретно имеет в виду, но почувствовал, что с его появлением у меня есть шанс изменить положение дел. Я почувствовал, что мне нужна его помощь. Но теперь я ощущал это не только сознанием, но и сердце заколотилось как бешенное.

– Ладно, продолжим наше общение, когда научишься разговаривать, – сказал он, вставая со стула.

Я схватил его за руку, не давая уйти. Это действие принесло с собой целый ураган эмоций, хлынувших из моего сознания в тело и растекшихся по каждой клетке моего организма.

Я вновь чувствовал – радовался и переживал по-настоящему! До жжения в животе и щекотки в груди.

– Постой, – произнес я с хрипом.

– А ты способный малый. Над произношением надо еще поработать, но для первого слова за два месяца – вполне сносно, – прокомментировал он, усаживаясь обратно на стул.

Я прокашлялся. Собрался с мыслями. Немного привык к тому, что из бесчувственной мумии опять превратился в более-менее полноценного человека.

– Ты наверняка хочешь спросить, кто я? откуда я такой взялся? почему веду себя так, будто все про тебя знаю? и самое главное, тебе интересно, что с тобой происходит, – угадал наперед все вопросы, которые я собирался задать, этот загадочный тип, – можешь называть меня Флишер, нет, лучше просто – Флиш. Я, действительно, все про тебя знаю. А вот, что

касается остальных вопросов: кто? откуда? зачем? почему? – то из-за обилия таковых в твоей голове ты и оказался в таком идиотском положении в заведении для идиотов.

– Кто ты? – практически не произвольно спросил я.

– Ты что, меня не слушаешь? Очень зря! Именно от того на сколько внимательно ты будешь меня слушать, будет зависеть твое дальнейшее существование. А вот где и как – это уже зависит от тебя, – высказался он.

Эта фраза должна была быть проявлением возмущения. По крайней мере, предложение построено так, что, по идее, он должен был накричать на меня. Но его интонация была не измена. Он говорил спокойно, с сарказмом, который делал его каким-то интересным, что ли.

– Итак, в первую очередь запомни несколько основных правил. Первое – не Мир крутится вокруг тебя, а ты варишься в этом Мире. Второе – ты слишком много задаешься вопросами, на которые невозможно получить ответы. Третье – чтобы выйти из любой ситуации, в какую бы ты не попал, надо действовать, что-то пред-

принимать, а не искать причину, по которой ты якобы попал в нее, виноватых, из-за которых ты якобы попал в нее и тому подобное. Ты уже попал, и все что тебе нужно делать – это из нее выбираться, – произнес он наставнически.

Руководствуясь тем, что сказал этот «Гуру», все, что мне остается, это опять стать немым, так как в моей голове были одни вопросы, а он четко дал понять, что из-за них я и тронулся рассудком.

– Вижу, ты напрягся, – подметил он, – не переживай, я помогу тебе завязать разговор. Тем более что я не запретил задавать вопросы. Я лишь указал на то, что необходимо быть осторожным в их выборе. Можешь, например, спросить «как дела?». Давай, спроси меня, как мои дела.

– Как твои дела? – спросил я, смутившись, – слушай, как-то по-дурацки это выглядит.

– Эй, ты в дурдоме, тебя не должно парить, что и как выглядит. Перед кем тут выглядеть?! – продолжал он поучать меня, – вот голый на пляже или в гостиничном халате в метро – вот это уже по-дурацки, – засмеялся он.

Я же еще больше удивился этому телепа-

ту. Он знал меня, читал мои мысли и теперь выясняется, что еще знает и о моих снах, бреднях, галлюцинациях или как там еще это можно назвать.

– Все-таки слушать ты меня пока еще не хочешь. Я же сразу сказал, что все про тебя знаю, а ты опять себя озадачиваешь. Смотри, снова в овощ превратишься, – укорил он меня, вероятно, после того как прочел мои мысли.

– А ты вообще существуешь или ты в моем воображении? – все ж таки спросил я.

– Ага. В старике ты тоже сомневался. И к чему это привело, – подколол он меня, – послушай, твое нездоровое любопытство сведет тебя в могилу. Да-да. Вначале в психушку, а потом на кладбище.

– А ты не задавался бы вопросами, окажись на моем месте? – возмутился я, – если ты такой умный и все про меня знаешь, ответь! Что бы ты делал, если вдруг потерял память, очнулся не понятно где, в компании маньяка-мясника, потом непонятным образом попал в какой-то зловещий город, где познакомился бы с поваром убийцей? Потом еще этот остров, гостиница, и вдруг выясняется, что ты

убил блондинку, с которой тебя в трех барах видели, – зашелся я в истерике.

– Значит, следователей ты слушал лучше, чем меня, – как бы расстроился он, – блондинка, бары. Похоже, тебе твое дело не один раз зачитывали.

– Зачитывали, – нервно сказал я.

– Опять ты себя жалеешь: «Как бы ты поступил, как бы он поступил» Тебе, наверно, эти три правила в мозгу надо выгравировать. Ты в Мире – не главный перец! Твои проблемы – это только твои проблемы! И остальным на них наплевать, они могут позлорадствовать или просто не заметить твою беду, им не болит. Увлечение вопросами сводит с ума. И наконец, самое главное, не распускай сопли и делай что-нибудь! – вот теперь заорал он, – вбей ты себе это в голову!

Он встал и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Я остался сидеть возле пианино, только теперь меня распирала какая-то гордость, что я на конец-то вернулся к жизни. Ситуация, конечно, не прояснилась, скорей даже еще больше запуталась. Не получено ни одного ответа

ни на один вопрос. Появился какой-то мутный кадр, но я решил не заморачиваться непонятными для меня событиями и подумать, что можно сделать для того, чтобы покинуть это место. В общем, я стал следовать наставлениям молодого человека, представившегося как Флиппер.

Санитары, так же безразлично ко всему вокруг происходящему, о чем-то между собой разговаривали. Их не удивило то, что я все время своего пребывания здесь был ходячим трупом, а тут вдруг преобразился и начал разговаривать.

Хотя, это, наверное, удел врачей – следить за состоянием здоровья и протеканием болезни у пациентов. Это их должно радовать, что применяемые ими методы лечения дают свои результаты.

А санитарам что? Скрутили руки тому, кто вздумал буйнить, натянули смирительную рубашку и все дела. А там пусть медсестры и врачи обкалывают его успокоительным.

Время прогулки закончилось. Все разбрелись по своим палатам.

Я окончательно освоился в своем новом состоянии. Верней в старом, которое после двух месячного перерыва успело стать новым.

По дороге в палату, в коридоре, ко мне подошел горе-космонавт, желая в очередной раз пожаловаться на свою злую мать. И с каким наслаждением я послал его на хер.

– Послушай меня, дебил тупоголовый! Еще раз приблизишься ко мне, и я отхуюрю тебя так, как твоя мамаша в жизни этого не делала! – сказал я, получив от этого уйму удовольствия.

Я понимал, что он душевно больной и ни в чем не виноват, но мне надо отыгаться за целый месяц насилия над моими ушами!

Наступило утро. Я выспался как никогда. Мне даже сон приснился, будто я дома, ко мне пришли друзья. Мы сидим у меня на кухне, пьем пиво. Потом муть какая-то, плохо помню. А еще блондинка из гостиницы приснилась, но только во сне я явно ее не убивал. Правда, кое-что другое точно с ней делал.

– А кто сказал, что ты вообще ее убивал?
– услышал я знакомый голос Флиппа.

Я от неожиданности дернулся.

– Тьфу, напугал меня.

Он сидел на подоконнике, свесив одну ногу вниз, а другую поставив на него.

– Следователь сказал, – ответил я на его вопрос, потирая глаза.

– Ну-ну, верь следователям.

– Что «ну-ну»? А кому мне верить и главное во что? Пользуясь твоими советами, я во-

обще не задумываюсь о таких вещах.

– Умнеешь на глазах, как я посмотрю.

Он соскочил с подоконника. Прошелся к двери и обратно.

– Какие планы на будущее? – язвительно спросил Флипп.

– Никаких. Живу одним днем, – не менее язвительно ответил я.

– С одной стороны, это хорошо, но с другой, – оборвал мою фразу Флиппер.

– Что с другой? Я так понял, ты появился в моей жизни для того, чтобы подвигнуть меня на какие-то поступки или конкретные действия, – взял я на себя роль грамотея.

– Только давай без этой киношной романтики. А то сейчас начнешь: «ты послан свыше, чтобы открыть мне тайну, сказать, что я не такой как все, типа избранный, и мне выпала честь выполнить миссию, которая заключается в спасении Мира», – протянул он с издевкой, – очнись, ты в психушке и к тому же не по моей милости.

– А по чьей?! – спросил я.

– Ты опять хочешь перекинуть вину на кого угодно, лишь бы себя оправдать. Пой-

ми, людей миллиарды! И все ищут виноватого в своих бедах, не желая заглянуть в корень проблемы, – жестикулируя руками, объяснял мне Флиппер, – а я скажу в чем дело. Если бы люди перестали искать виноватых и осознали, что они сами в состоянии предупредить неприятную ситуацию или конфликт, и больше заглядывали бы в себя, признавая, что сами ответственны за все с ними происходящее, то поверь мне, не было бы ни войн, ни разногласий. Конечно, проще всего убедить себя в том, что ты ни в чем не виноват, это она, или он, сволочь редкая, и затаить обиду. А за этим следует плохое настроение и цепная реакция, передающая негатив от одного к другому. Если это случается в кругу семьи или в рабочем коллективе, то результат – хреновая атмосфера и конфликт. А если на международном уровне, да еще и в высших эшелонах власти, то все. Пиздец. Война, – завершил он грубым, но точным выражением.

– Знаешь, а я, кажется, начал понимать, о чем ты мне толкуешь, – проникновенно сказал я.

Потом не смог сдержать улыбку, и мы

вместе рассмеялись.

Я был счастлив. Я снова испытал и вспомнил, что такое здоровая и интересная дискуссия. Насколько важно при общении видеть глаза собеседника, которые наполнены пониманием того, о чем он говорит, и он обоснованно отстаивает свои убеждения.

Для того чтобы это понять и начать ценить, мне понадобилось два месяца, на протяжении которых я выслушивал, и не имел возможности оспорить, тот маразм, который несли настоящие психи и недалеко от них ушедшие сотрудники милиции.

– Ладно, на самом деле, у меня есть кой-какие планы, – вытирая слезы вызванные смехом, стараясь сделать серьезный голос, сказал я, – бежать отсюда буду.

– Оу. Смелое решение. Каким образом, если не секрет? – не теряя сарказма, поинтересовался Флипп.

– Нас иногда выводят на улицу, в прогулочный дворик. Должны каждый день, но с этим мороки больше, так что получается мы раза два в неделю на свежий воздух попадаем.

– Давай без лирики.

– Ну, хорошо. Все привыкли, что я не проявляю особой активности и со временем утратили бдительность относительно моей персоны. Санитары больше за суицидником и тайным агентом смотрят, который каждый раз через забор норовит перебраться, а я, как правило, остаюсь без внимания.

– Ну?

– Что «ну»? Пока они будут за этим шпионом гоняться, я сам через забор и перемахну. Благо, что халатность – это неотъемлемая часть русского человека. Деревьям около забора уже давно следовало бы ветки обрезать, но пьяный слесарь больницы, он же столяр, он же дворник и еще хрен знает кто, этого не сделал. Вот это и будет моей путевкой на свободу.

– Гениально! А что если тебя все-таки засекут?

– Будем надеяться, что обойдется без «если».

Настал тот день, когда санитары соизволили вывести нас на свет Божий.

Я так же исполнял роль неодушевленного предмета. За исключением того, что теперь не позволял обитателям здешних мест грузить меня своими параноидальными историями.

– Мне вчера врач сказал, что скоро меня выпишут и я смогу вернуться к своим оловянным солдатикам. Они, наверное, меня уже ждали. Знаешь сколько их у меня? – говорил очередной дебил, уместившись рядом со мной.

Я же незаметно, чтобы не привлекать внимание санитаров, придвинувшись к уху своего собеседника, говорил следующее.

– Слушай, кретин, тебя никогда отсюда не выпустят, а твоих гребаных солдатиков давно уже на столовые приборы переплавили.

После чего тот вскочил и в ужасе и, умытаясь слезами, убежал от меня подальше.

Так, буквально за один день, я пояснил всем своим дотошным клиентам, что кабинет психотерапевта на общественных началах закрылся, и ловить здесь больше им нечего.

Всем всем по потребностям.

Любителю детских сказок я рассказал, что снежная королева расстаяла и у него никогда не будет котенка. Чекисту поведал, что его секретную карту давно нашли и изъяли. Теперь он ходит в страданиях, что она пропала, но меня больше не донимает. Зоофилу пообещал открутить голову и отдать бешеной собаке, которая совершит с ней акт совокупления, и это ему почему-то не понравилось, несмотря на его страсть к животным.

В общем, я и оттянулся по-полной, и от кровососов избавился.

Как и предполагалось, шиз, страдающий манией преследования, начал карабкаться на трехметровый забор, стараясь уцепиться за выступавшую из бетона арматуру.

Его жалкая попытка к бегству сразу же

пресеклась санитарями, и он как всегда закончил прогулку у себя в палате в смирительной рубашке и под дозой успокоительного.

Я тем временем медленно встал со своего места, направился к высокому каштану, который присмотрел себе в помощники. Его ветки идеально подходили, чтобы без проблем забраться по ним на забор.

А там уже, желание обрести свободу окажется сильнее страха высоты и, если не поломаю ноги при приземлении, то моя цель будет достигнута.

Но мои планы были разрушены даже не санитарями, а пациентом, который своей репликой обратил внимание санитаров на то, что я забрался на первую ветку и стремительно ползу вверх.

– Эй, немой человек, возьми меня с собой. Пожалуйста, возьми!

До этого я практически не замечал его, он вел спокойный образ жизни в этом заведении. Ходил себе взад-вперед, бормотал что-то под нос и никому лишнего беспокойства не доставлял.

Я скорей мог ожидать подвох со стороны

более буйных психов, но уже разницы нет, меня заметили санитары и, в кипише от того, что у них массовый побег, рванули к дереву, на котором я был.

– Что за день такой. Их что, вообще лучше на улицу не выводить, – заорал один из санитаров.

– А ну, давай слазь оттуда, идиот несчастный, – завопил другой.

Я застыл на месте. Но не от криков взбесившихся санитаров, а для того чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

Так, если я полезу дальше, заберусь на забор и в суматохе сигану вниз, то, как минимум восемьдесят процентов, поломаю себе ноги и тогда плакала моя свобода

Санитары – крепкие парни, но вряд ли они кандидаты в мастера спорта по рукопашному бою. А вот я могу похвастать такими заслугами.

Пока не поднялась шумиха и вся больница не встала на уши, надо «договариваться» с этими ребятами в белых халатах, а то дело совсем из-под контроля выйдет.

Я спрыгнул с дерева и так, чтобы те опом-

ниться не успели, влупил кулаком в голову того кто по-здоровее, что он по инерции постоял еще секунды две и свалился на землю в бессознательном состоянии.

Второй санитар опешил. Дернулся было в мою сторону, но после не решился продолжить движение.

– Парень, успокойся. Я твой друг. Никто не причинит тебе вреда. Давай я отведу тебя в твою палату, ты ляжешь, отдохнешь, – завел на свою голову типичную песню для умалишенных струсивший санитар.

Пускай мы в дурдоме, и я целый месяц походил на тихо-помешанного психа, только его слова разозлили меня еще больше. И как говорил Флиппер, всем болит лишь свое. Так почему я должен страдать от гематомы, которую собираюсь ему заделать?

– Уроды! Как вы меня все здесь достали, – процедил я сквозь зубы искреннюю ненависть.

Он все так же стоял в растерянности. Но не долго.

Вначале я сбил его с ног мощным ударом лоу-кик, который наносится голенью по ногам

чуть выше колен, а за тем, уже лежащего на земле работника больницы, выключил не таким сильным, но точным ударом кулака в висок.

Встал с колена, отряхнулся. Вздохнул с облегчением, что больше никто не будет препятствовать моему побегу.

Вскарабкавшись по дереву на забор, аккуратно преодолел колючую проволоку, натянутую по всему периметру ограждения. Ухватился руками за край бетонной плиты, из которых собственно и был сооружен забор, потом повис вытянувшись в полный рост и приготовился прыгать.

Посмотрел еще раз вниз. Подо мной трава, так что приземление будет не таким уж жестким.

Ничего себе приземлился!

Предполагалось, что мои ноги коснутся земли в считанные доли секунды, но вместо этого полет длился как минимум секунд десять. За это время я успел испугаться до смерти. Адреналин зашкалил, перед глазами замелькало. Не разобрал что к чему, плашмя грохнулся на соломенную крышу какого-то дома или сарая. Успешно проломил ее, и окончательно мое тело зафиксировалось на деревянном столе, за которым сидели и, как видимо, совершали трапезу очень сомнительно выглядывшие, вроде бы, люди.

Сидят, смотрят, как я корчусь от боли.

Не знаю, как часто им ломают крышу и падают на обеденный стол, но удивления на их лицах я не наблюдаю. Ошарашенными оттого, что им откуда ни возьмись свалился прямо на

голову какой-то чувак, они не выглядят.

Я понимаю, что опять попал не пойми куда и не понятно как, но на этот раз к такого рода событию отнесся как к должному.

Действительно, советы Флиппа помогают и я больше не свожу себя с ума, пытаюсь понять, что ж все-таки это за перемещения в пространстве, больше похожие на кошмарные сны, но не сны, так как сопровождаются реальной болью и все вокруг до боли реальное.

Я, держась рукой за плечо, которое больше всего повредил, сполз со стола.

Жуткие существа, где-то похожие на людей, в количестве пяти голов, ничего не предпринимая, просто следят за моими движениями.

Я же опасаясь агрессии с их стороны, не упуская из вида ни одного из них, пячусь назад ближе к выходу.

Выглядят они конечно скверно. Кожа у них какая-то неправильная – серая, больше похожая на слоновью. Волосяной покров, какого я раньше в жизни не видел. Волоски редкие, но очень толстые, на теле и на лице растут равномерно. Форма головы – эллипсообразная,

приплюснутая. Маленькие свинячьи глазки. Гоблины какие-то. Судя по размерам, трое из них взрослые, и два ребенка. Но тоже внушительной величины.

Одно хоть как-то обнадеживает – глаза у них добрые. Может они травоядные?

Ни фигя, на столе у них куски мяса и, что совсем не хорошо, сырого мяса.

Тот гoblin, что поменьше смотрит на меня как на игрушку, о которой давно мечтал. Улыбнулся, но меня это совсем не обрадовало.

Оказывается, улыбка не только дарит хорошее настроение и указывает на доброжелательность, но может еще и сильно расстроить. Что со мной и случилось после того, как я увидел, что эти «милые» чудовища имеют здоревенные клыки, какими не каждый хищный зверь обладает! А в сочетании с сырым мясом, это значит

Это значит, что они едят сырое мясо огромными клыками!

Надо бежать!

Не успел я об этом подумать, как дверь сзади меня с грохотом и деревянным скрипом

отворилась.

Я обернулся и понял, что все пятеро сидящих за столом гоблинов – дети, видимо, разных возрастов, так как ввалившийся в дом – в три раза больше остальных.

Вид у него очень свирепый, в глазах нет даже намек на радушие. Похоже, ему совсем не нравится то, что я зашел к ним в гости, да еще через крышу.

Теперь точно надо бежать!

Через дверь не получится, это чудище не позволит проскочить мимо него. Есть два окна. Одно совсем маленькое, сквозь него точно не пролезть, а через другое можно попробовать.

Я рванул к намеченному окну, которое на счастье не застекленное, и даже сеточки от комаров на нем нет, и без каких-либо колебаний прыгнул в него, выставив руки вперед так, будто собрался входить в воду. Но к несчастью, самый маленький обитатель хижины вцепился мне в ногу, застопорив меня на половину застрявшим в окне.

– Вот сволочь! Отцепись от меня, маленькая тварь, – запричитал я, дергая ногой, пытаюсь от него избавиться.

Но недолго я трепыхался. Не вовремя пришедший здоровила схватил меня за свободную ногу, которой я старался сбить этого уродца.

Одним рывком втащил меня вовнутрь. Перехватился, взял за шею. Поднял так, что мои ноги оторвались от пола и понес к выходу.

Я, наивно попробовав освободиться, ухватил его за толстенные пальцы, хотел их разжать. Ни хрена! Зажат как в тисках!

Ему мои действия, как видимо, пришлось не по душе. Выходя на улицу, он задержался в дверном проеме. Выставил руку, в которой держал меня вперед, другой взялся за дверь и коротким резким движением меня ей и припечатал.

Я потух. Желание вырваться отпало. Фыркающий, как разъяренный бык, здоровенный гоблин закинул меня на плечо и понес куда-то.

Недолго он меня таскал. Занес в сарай, связал веревкой ноги. Подвесил вниз головой, зацепив узлом за крюк, торчащий из стены.

Я, чтобы не гневить зря этого людоеда, не шевелился, делая вид, что нахожусь без сознания.

Тот проверять не стал, вышел из сарая и закрыл дверь на засов.

Самое время сориентироваться на местности. В какое дерьмо я на этот раз влип?

– Что-то не устраивает?

– Черт, Флипп! Ты опять меня напугал, – возмутился я.

– Странный ты человек, толпы ужасных людоедов не испугался, а мое неожиданное появление тебя напугало, – засмеялся он.

– И почему я не удивлен тебя здесь видеть? – вздохнул я с иронией.

– Да потому, что сам захотел, чтобы я здесь был, – резко сказал Флипп, – как дела? Смотрю, ты далеко убежал. Кстати, я все видел. Класс! Как ты этих санитаров. Одного, другого. Джеки Чан отдыхает.

– Прекрати юродствовать, – прервал его я, – лучше скажи, что значит, я сам захотел, чтобы ты здесь был? Когда я пытался удрать от этих гоблинов, то о тебе меньше всего думал.

– Скучно с тобой. Какой-то ты напряженный, взвинченный, – скривился Флипп.

– Я – напряженный? С чего бы это? – переменял я его манеру общения, – вишу себе вверх

ногами в вонючем сарае, куда меня притащил злобный гoblin, перед этим не забыв ебнуть дверь. Разговариваю с мнимым другом, который развлекает меня своими остроумными речами. Мне ли напрягаться? И, заметь, при всем этом, я не задаюсь тем, как я сюда попал и что за хуйня со мной происходит! – заорал я под конец своей бурной реплики.

– Ладно, не заводись, – начал успокаивать меня Филипп, – может, ты конечно обо мне и не думал, да и некогда тебе было, за этими передрыгами. А вот на подсознательном уровне ты очень хотел, чтобы хоть кто-то тебе помог разобраться в том, что с тобой творится. И можешь даже не спорить. Согласись, одному тяжело с этим справиться, можно с ума сойти. Впрочем, что ты успешно и сделал, – пояснял он монотонно, но под конец не смог сдержаться, чтоб не съязвить.

Он пошарил по стеллажам, имеющимся в сарае, взял заточенную железяку, похожую на самодельный нож и подошел ко мне.

– Ну, если я, как ты говоришь, мнимый и существую только в твоём воображении, то вряд ли я смогу перерезать веревку и освободи-

дить тебя. Следовательно, пользы от меня нет и мне лучше уйти, – с откровенно поддельной грустью сказал Филипп.

– Нет, но попробовать, конечно, есть смысл, – оживился я.

– Даже не знаю. Ты же в меня не веришь.

– Режь давай, – заорал я, разозлившись на его изрядно надоевший мне юмор.

Он одним махом разрезал веревку, связывающую мои ноги.

Может нож очень острый, может веревка плохого качества, но хватило одного движения, чтобы освободить меня.

Я упал на пол. Благо руки выставить успел, немного смягчив приземление, а то мог бы себе шею свернуть.

– Скажи мне, Флиппер, тебе по кайфу надо мной издеваться? Твои дурацкие шутки, уклончивые ответы, ироничные запутанные высказывания на хрена все это? – спросил я, медленно поднимаясь с пола, – что? Нельзя без этих приколов, конкретно, вразумительно изъясняться? Тем более если я сам тебя позвал, желая найти помощь.

– Понимаешь, друг мой удрученный, как

ты изволил выразиться, а точнее подумать, в это дерьмо ты влип сугубо по своей вине и было бы не справедливо, если бы кто-то пришел и вынул тебя из него, а ты при этом продолжал бездействовать, – говорил он интонацией нудного учителя старших классов, – поэтому будет не правильным, взять тебя за руку и, оберегая от невзгод, вывести из этого лабиринта страстей, в который ты сам себя загнал.

– Я? Сам? Но как? Опять эти твои загадки.

– А вот сейчас, вместо того чтобы философствовать на тему: как, зачем и почему, лучше бы подумал над тем, что хочет тебе поведать людоед, который сюда направляется, – так же монотонно сказал Флиш, – я лично думаю, он хочет тебя на ужин позвать. А ты как считаешь?

Действительно за дверью слышались шаги, которые трудно было не узнать.

Здоровенный гоблин весит не меньше трехсот килограмм, так что его топот слышно за десятки метров.

– Слушай, а может, не будешь убегать. Расправишься с ним как с теми санитарями

из больницы? – откровенно издевался Флипп, – Встретишься с врагом лицом к лицу. Ты же у нас Великий воин.

– Я? С ним? Да он больше меня раза в четыре. И боль наверняка не чувствует, – изумленно ответил я Флиппу, хоть и понимал, что он просто надо мной смеется.

– Вот оно! – воскликнул Флиппер, – неверие в собственные силы, является практически самым губительным человеческим качеством. Когда человек сталкивается с любого рода трудностями, то сразу начинает анализировать, взвешивать, сопоставлять и, в конечном итоге, паниковать, потому что довзвешивал до того, что напугал сам себя последствиями, которые, по его мнению, должны настигнуть. Он несмело думает: «а вдруг пронесет?», но не хочет поверить в то, что может гораздо больше, чем сам от себя ожидает, и тем самым изменить эти последствия своими руками. Ну, или головой.

С минуты на минуту в сарай должен ворваться людоед, а Флиппер вздумал читать мне свои нотации. Мне, с одной стороны, очень страшно, перед лицом явной опасности, но

с другой стороны, слова Флиппа не прошли мимо моих ушей и внутри меня будто открылся внутренний потенциал, и я уже был готов сразиться один на один с этим чудищем.

Я выхватил из рук Флиппа нож, прометнулся по сараю, нашел заостренную палку. Хреновое, конечно, копьё, но все же лучше, чем ничего.

Подошел с этим скудным арсеналом к двери и встал с боку в надежде, что когда гоблин зайдет в сарай сразу меня не заметит, пройдет дальше и я смогу напасть на него сзади.

– Молодец, правильная мысль! – воскликнул Флипп, – вот такой настрой мне больше нравится. Наконец ты стал ко мне прислушиваться!

– Помочь не хочешь? – спросил я, заранее готовясь получить отрицательный ответ.

– А почему нет?! Мы ведь с тобой одна команда, – удивил он меня.

Он встал напротив двери, сделал несколько шагов назад, присел, будто готовился к рывку.

– Что ты собираешься делать? – удивился я.

– Всем известно, что лучшая защита – это нападение, а ожидание смерти – хуже самой смерти! Так что, не будем ждать, а будем атаковать, – ответил он с весьма самодовольным видом.

Я прижался спиной к стене еще сильнее. Сердце заколотилось, будто кто-то бил кулаком в грудь, только изнутри.

Флипп рванул с места, сильно отталкиваясь от земли ногами. В три прыжка преодолел расстояние до двери и плечом вынес ее к чертям собачьим.

Из дверного проема полился ослепительный белый свет, который мгновенно заполнил сарай, и через две секунды вокруг стало белым-бело. Я прищурился, повертелся по сторонам. Выставил обе руки вперед, пытаясь нащупать стену, на которую только что опирался. Не нащупал.

Сделал два шага вперед. Еще шаг. Стены нет.

Побежал в левую сторону, размахивая руками в надежде хоть что-нибудь нащупать. Остановился. Побежал в правую. Ничего.

Все вокруг белое. И тишина такая же, как

и в том странном городе, где в компании дикого повара я пытал свое счастье в рулетку на игровом автомате.

Внезапно белый свет сменился на красный.

Все осталось по-прежнему, только теперь я бежал в пространстве полностью состоящим из красного света.

К удивлению, не смотря на очередной кошмар, происходящий со мной, моя голова полностью освободилась от мыслей.

Я никак не мог объяснить и понять, что творится, но на этот раз ощущал какую-то свободу. Мне больше не страшно, я не анализирую и не паникую. Произошло что-то такое, что избавило меня от гнетущего ощущения, что моя жизнь разрушена. Даже наоборот, мне кажется, будто я избавился от некой болезни, которая отравляла мою жизнь изо дня в день.

С одной стороны я потерял все, но с другой, это все перестало быть нужным.

Я просто бегу. Красный свет плавно перешел в синий, затем в желтый, зеленый и вдруг стало темно.

Я остановился.

Тишину порвал громкий стук. За ним последовал еще, потом еще и стал проследиваться такт. Это звук ударников.

Я обхватил голову обеими руками, присел на корточки, зажмурил глаза.

К ударам барабанов добавились звуки других музыкальных инструментов, и я смог распознать популярную композицию “Акон”.

– Эй, с тобой все в порядке? – услышался чей-то мужской голос.

– Денис, ты чего? Денис! – прозвучал нежный женский.

– Он что, обдолбился? – прозвучали чьи-то насмешки.

– Сам ты «обдолбился»! – воскликнула та же девушка, – Денис, ты в порядке? Денис!

Открыл глаза – я в ночном клубе, причем сразу определил в каком.

Не далеко от меня танцпол, на котором под ритм музыки танцевали молодые люди.

Я у барной стойки, точнее, под ней, сижу на корточках, держусь руками за голову.

Рядом со мной две пары ног, мужские и женские.

Поднял голову, посмотрел кто такие.

Парень не знакомый, и мать его так, но девушка!

Надо мной склонилась, ласково произнося мое имя, та самая блондинка из гостиницы.

– Денис, ты вообще нормально?! – сказала она с весьма взволнованным видом, – сидел, о прыжках с парашютом рассказывал, потом ни с того ни с сего соскочил со стула, схватился за голову и уселся под баром. Тебе что, плохо?

– Мне? Плохо? – полушепотом произнес я, – нет, мне уже лучше.

Я поднялся, не спеша сел на банкетку. Девушка села рядом.

Она выглядит слегка напуганной.

– О чем я там рассказывал, о парашютах, да? – начал я, постепенно собираясь с мыслями, – так вот, херня эти парашюты. Лучше я расскажу тебе более увлекательную историю.

Девушка удивленно захлопала глазами.

– Сколько мы с тобой знакомы? – спросил я.

– Денис, ты что, так шутишь, да? – офигела она окончательно.

– Ты просто скажи мне, как тебя зовут и как давно мы с тобой познакомились? – насто-

ял я.

– Денис

– Нет, ты просто ответь, – оборвал я ее.

– Лена. Познакомились вчера в центре. А сегодня ты меня сюда пригласил, – говорила она не смело, боясь выглядеть глупо, – слушай, это не смешно

– Ц-с-с! – приложил я свой палец к губам, не давая разгуляться ее возмущению.

Она замолчала.

– Знаешь, Леночка, жизнь пророй такая непредсказуемая, – начал я с иронией в голосе, – вот мы с тобой вчера познакомились, сегодня в этот клуб пришли, какое-то время провели здесь. Кстати, сколько мы уже тут клубимся?

– Часа два, – тихо ответила она.

– Два часа. Ну, я наверняка успел тебе рассказать уйму всего интересного. Еще через часа три мы с тобой должны отправиться в гостиницу, где вероятно я уже заранее снял номер, но вся беда в том, что я ничего из этого не помню! – затынул я свое откровение.

– Ты что, действительно, наглотался чего-то? – спросила она растерянно.

– Нет! Если только бармен в бокал с пивом

ничего не подсыпал? – пошутил я, – ты мне в пиво ничего не подсыпал, – обратился я к бармену.

Тот заулыбался, качая отрицательно головой.

– Видишь, бармен не подсыпал, – продолжал я свой юмор, – но знаешь, что самое поразительное? Пока я тут у тебя в ногах расслаживался, у меня перед глазами целый отрезок собственной жизни пролетел. И все так реалистично с полнотой переживаний и ощущений. Вот такая вот хрень, Леночка. А ты говоришь парашюты.

– Блин такой симпатичный, интересный показался на первый взгляд и психом оказался! – с искренним сожалением сказала девушка Лена, забирая свою сумочку с барной стойки.

Встала и ушла из клуба.

Я не расстроился и не обрадовался тому, что моя спутница покинула меня в самый разгар вечера. И вообще, раз уж я в своем любимом ночном клубе, надо отрываться. Народу полно, атмосфера тусовочная. Гораздо лучше, чем в сарае у гоблина.

Надо же, гоблины!

Взял свое пиво, сделал пару больших глотков. Закачал головой под музыку. Как ни странно, но, несмотря на последние события и внезапную амнезию, настроение у меня отличное.

Я напрочь запретил себе думать о том, что это за провалы в памяти и откуда это нездоровое воображение, порождающее мясников, поваров, психов и гоблинов.

С ума сойти, гоблины!

– Ладно, на днях схожу к психиатру, – сказал я сам себе.

Ко мне подошла официантка.

– Привет, Денис. Как дела? – спросила она.

– Ты меня знаешь? Представляешь, я тебя совсем не помню.

– А ты и не вспомнишь! – резко бросила официантка, протягивая мне какую-то бумажку, – это тебе вон тот господин передал, – указала она на столик в углу, за которым сидел Флиппер.

Он смотрел на меня как и прежде с какой-то издевательской улыбкой. Так обычно смотрят богатые люди из окон своих мерседесов на бедолаг, ковыряющихся в старых запорожцах.

– М-да, праздник жизни отменяется. Придется отложить свой поход к психиатру, – озвучил я свои мысли.

Развернул лист бумаги, врученный мне официанткой. В нем одно предложение: «видишь, блондинка жива»!

Я усмехнулся, встал из-за барной стойки и, прихватив свое пиво, направился к Флиппу.

– Знаешь, а я чувствовал, что где-то подвох, – начал я, присаживаясь за его столик, – нет, поначалу я, конечно, обрадовался. Я в Москве, все вокруг похоже на правду. Недалеко отсюда – мой дом, куда я собирался наконец-то добраться. Но я не впадаю в отчаянье и даже научился извлекать определенный кайф из всего этого.

– Ну что ж, я рад, что тебе весело, – сказал он, – но не стоит останавливаться на достигнутом.

– В каком смысле – «на достигнутом»? Я ничего не достигал, все как-то само собой получается. Был там – стал тут. Было грустно – стало весело. Было страшно – стало похер!

– Ошибаешься, Дениска. Слово «достигать» никак не указывает на то, что надо делать что-то физически. Очень многое в жизни зависит от умственных усилий, – затянул свою очередную песню под названием «слушай и за-

поминай бестолочь» мудрый учитель Флипп, – посмотри, ты совсем немного потрудился, и я не имею в виду то, как ты вырубил санитаров и перебрался через высокий забор, но морально ты заставил себя не думать о том, что мешает тебе достигать.

– Достигать? Чего достигать?

– Я ждал этого вопроса. Это и является практически самым интересным, – еще больше оживился Флипп, – человек всегда к чему-то стремится, идет к какой-то цели, преодолевая кучу препятствий на пути к желаемому. Но загвоздка в том, что человек практически всегда остается не доволен результатом, и это обусловлено тем, что люди напичканы уймой мерзких качеств. Таких как зависть, жадность, алчность и множество других. Всему этому неотъемлемо сопутствует большое самолюбие и разного рода комплексы. В совокупности все это приводит к катастрофическому непостоянству. Человек никак не может определиться, чего ж он на самом деле хочет, и даже добившись того, к чему так долго шел, не испытывает должного удовлетворения, так как теперь, видите ли, ему хочется большего!

– Да ты, я смотрю, прям душой болеешь за весь род человеческий! Так переживаешь, что у людей такое количество недостатков, – впечатленный его монологом, сказал я, – только я не совсем улавливаю, причем здесь я и мои «диво-достижения»?

– Ты так и не научился меня слушать, – окинул меня Флипп печальным взглядом, как видимо, разочарованный тем, что его речь не произвела на меня должного эффекта.

– Нет, я слушаю тебя, о Великий учитель Флиппер, – продолжал я веселиться, – только понять ни хрена не могу. Скажи, почему ты не можешь просто рассказать, что со мной твориться? Тем более если ты все про меня знаешь, тебе не составит труда пролить свет на темень бредовых событий вместо увлекательных лекций о недостатке гуманизма в нашем Мире.

– Почему не могу? Могу! – ответил он, – Другое дело, хочу ли?

– В таком случае позволь узнать, почему не хочешь?

– Нет, я не сказал, что совсем не хочу

– Твою мать! Ты не хочешь, не можешь

или просто трахаешь мне мозги?

– А куда подевалось былое веселье? Ты только хвастался, будто не одолеет тебя больше смятение, и кайф, получаемый от увлекательных приключений, напрочь вытеснил присущий тебе ранее гнев и панику, – откровенно издевался надо мной Флипп.

– Ну, ты скотина, Флиппер! – просопел я.

Как ни прискорбно, но этот психологический садист верно подметил – после очередной порции моральных издевательств, веселья как не бывало.

Я разозлился на него как никогда раньше и едва сдерживался, чтобы не запустить в него пивным бокалом или стоящей на столе пепельницей.

– Лучше бокалом. Пепельница пластмассовая, совсем не эффектно получится, – ехидно произнес он.

Это взбесило меня еще больше и я не раздумывая схватил бокал, в котором оставалось еще немного пива, и с размаху кинул его в Флиппа.

Бокал разлетелся в дребезги, и брызги от пива освежили меня и еще несколько человек,

сидящих за соседним столиком.

Расстояние между нами было не больше метра, и попасть ему прямо в голову не составляло никакого труда. Но следуя элементарным геометрическим расчетам, он отклонился ровно на столько, чтобы бокал просвистел у его виска. Бокал разбился, но не о голову Флиппа, а об стену за его спиной.

Ни одна мышца на его лице не дернулась, даже надменная улыбка никуда не делась.

Нельзя сказать, что у него превосходная реакция и он резким движением предотвратил соприкосновение бокала с его головой. Совсем наоборот, он плавно и абсолютно спокойно отклонился в сторону всем телом, как бы демонстрируя свою неуязвимость.

– Ух! Да ты – опасный человек. Может, не зря тебя в отделении для буйных держали?! – едва не срываясь на смех, сказал Флипп.

Это добило меня окончательно. Я сорвался со своего места и через разделяющий нас стол бросился на Флиппера, который наверняка предвидел и это. В подтверждение тому, он вовремя встал со стула и сделал шаг в сторону.

В результате я просто перемахнул через стол и рухнул вместе со стулом, на котором еще мгновение назад сидел всевидящий Флиппер.

– Не ушибся? – смеялся он над моими жалкими попытками до него добраться.

Но мое желание дотянуться до его горла было настолько велико, что я в миг поднялся на ноги и в кошачьем броске, выставив руки вперед кинулся на него.

В этот раз он никуда не отошел. Не было надобности. Движение моего разъяренного тела застопорил кто-то третий. Буквально в полете меня за шиворот поймал здоровенный жлоб. В секунду я оказался на полу лицом вниз, придавленный, внезапно появившимся неизвестно откуда, мужичарой.

– Ну что, успокоился? – спросил невозмутимый Флипп.

Находясь под давлением стокилограммовой туши, я почувствовал, что успокоился.

– Пойми, дубина, я всего лишь хочу, чтобы ты сам начал раскидывать своими мозгами, призадумался о смысле жизни. Что для тебя по-настоящему важно и чего ты на самом деле

хочешь?! А не впадал в эти бабские истерики.

– Чего я действительно хочу, так это чтоб этот боров с меня слез, – сказал я, с возвращающимся ко мне юмором.

Флипп дал отмашку, показывая здоровяку, что тот может меня отпустить.

– Не знал, что у тебя есть телохранители, – пробормотал я, поднимаясь с пола и усаживаясь на свой стул.

Флипп в свою очередь тоже вернулся на свое место, слегка наклонившись вперед, положил руки на стол.

– Чего ты хочешь, Денис? – со всей серьезностью спросил он.

– В данный момент или вообще в принципе? – последовал от меня встречный вопрос.

– Если мы начнем рассматривать твои желания в широком спектре, то неизбежно увязнем в рутине противоречий, порожденных твоим мозгом. Другими словами угодим в лабиринт, создаваемый сознанием под влиянием обстоятельств, – пояснял Флипп, – все очень просто. Как только меняются обстоятельства, вместе с ними меняются приоритеты, а смена приоритетов влечет за собой перемену желаем-

мого. В итоге мы получаем неопределенность, основанную на том, что нагроможденный предрассудками мозг не успевает вовремя перестроиться на новый объект вожделения или боится принять его, в силу все тех же предрассудков. И как результат – ты начинаешь блуждать по лабиринту сознания, ударяясь о стены своих предрассудков.

– То есть, желания человека в обширном понимании, со всеми прилегающими аспектами, это замкнутый круг?!

– Не-а. Ни о каком замкнутом круге я не говорил, даже слова такие не употреблял. Лабиринт. Лабиринт сознания. Заметь, между лабиринтом и замкнутым кругом есть существенная разница. Из лабиринта можно выбраться, а из замкнутого круга нет.

Прежде Флипп тоже мог порадовать своими философскими изречениями, но до этого момента они больше смахивали на хвостовство: «ну-ка, посмотрите какой я умный», хоть и не были лишены логики и даже полезных, в развивающем плане, элементов. Но в этот раз в его словах прослеживалось нечто большее. Что-то такое, что может заставить собраться и

искать выход из лабиринта, вместо того чтоб смириться с участью вечного скитания по замкнутому кругу.

– Домой хочу!

– Что, прости?

– Домой хочу. Хочу прийти домой, заварить кофе и спокойно его выпить, – твердо определился я.

– Ну так, давай, иди домой. Ты этого по настоящему хочешь? Так сделай это! Ты желаешь этого сейчас, в данный момент, все остальное не важно. Go!

Я встал из-за стола и полный решимости добраться до собственной квартиры, которая к счастью находилась совсем не далеко от этого клуба, направился к выходу.

У меня было такое чувство, что все уже позади, весь приключившийся кошмар – просто плохой сон.

Я подошел к двери и хотел было ее открыть, как вдруг она распахнулась и без моей помощи. Люди, с помощью которых открылась дверь, ворвались в клуб с дикими криками и сбили меня с ног.

Я опять на полу, лицом вниз, и должен признать, в прошлый раз, когда я был в таком положении со мной обходились гораздо деликатней. Теперь, плюс к тому, что мою голову пытаются вдавить в бетонный пол, мне еще заломили руки за спину, явно не переживая о том, что ненароком могут их поломать

Знакомый звук, клацанье наручников, и завершающий, перед тем как их защелкнут, хруст, раздался за моей спиной.

– Всем лежать! Что не ясно? На пол быстро!

– Руки за голову!

– Назад, падла! Куда полез?!

Крики исходили от влетевших в клуб бойцов ОМОНа. На их лицах были черные маски, в руках грозные автоматы отечественного производства, на спинах нашивки с аббревиатурой «ОМОН», чтобы ни у кого не возникало вопросов по поводу того, кто заглянул на вечеринку и внес резонанс в сегодняшнюю тусовку.

Музыка прервалась, включилось освещение.

Атмосфера отдыха, где легкомысленная молодежь просто куражилась, ободряя себя алкогольными напитками и наркотиками, кардинально поменялась.

Теперь нанюхавшийся какой-то дряни подросток, который ощущал себя хозяином всего Мира, как и я, лежал на твердом полу с разбитым носом, из которого сочилась кровь, а в его глазах читался дикий испуг. А ну его родители узнают, что их замечательный сынок принимает наркотики или того хуже пару грамм «чудодейственного» порошка найдут у него в карма-

не, тогда проблем совсем не оберешься.

Вот тебе и перемена обстоятельств. Наверняка приоритеты поменялись. Теперь, в место того чтобы трахнуть сексуальную малолетку, которая весь вечер крутила перед ним задницей, он хочет, чтоб эта ситуация разрешилась для него с минимальными последствиями. И, я уверен, хочет он этого куда больше, чем минутой раньше желал добраться до ее интимных мест.

Все было бы гораздо проще, знай он наверняка, что его ждет. Будь он уверен в том, что его помуряжат пару часов в ментовке и отпустят на все четыре стороны, то чувствовал бы себя гораздо спокойней. Но неизвестность, поистине, есть самое страшное, так как является плацдармом для воображения, которое в критических ситуациях способно довести до инфаркта, работая в самом фатальном режиме.

В отличие от перепуганного юноши меня не страшат последствия. Я не думаю ни о чем глобальном и не терзаю себя попытками предугадать ожидающую меня участь. Более того,

я не собираюсь ждать никакой участи. У меня есть твердое намерение осуществить свое желание. Я хочу домой! Это единственное, что для меня сейчас имеет значение. А ворвавшихся и спеленавших меня ОМОНовцев я расцениваю исключительно как препятствие, которое надо преодолеть на пути к достижению цели.

– Вставай, – пнул меня ногой в бок, один из участников «маски-шоу».

Со скованными за спиной руками, это сделать не так просто, но я справился с поставленной задачей.

Боец молча схватил меня за локоть и потащил на выход.

Выйдя из клуба, я быстро оценил обстановку и сделал выводы.

Обстановка – у входа «черный ворон», в который, как овец, загружают задержанных. Вывод – надо делать ноги, пока сам не очутился в будке этой «скотовозки».

После того как я морально был готов к схватке с ужасным гоблином, сопровождавший меня спецназовец не казался таким уж страшным и непобедимым.

Так, для начала надо вырваться из рук

этого конвоира. Затем каким-то образом его нейтрализовать и с максимальной скоростью побежать туда, где смогу как можно быстрее скрыться из вида, а дальше по обстоятельствам.

Учитывая то, что на моих руках наручники, за меня могут сыграть только скорость и фактор неожиданности.

Одним резким рывком я освободился от опеки и отскочил в сторону. Боец, как надрессированный пес, сразу же бросился вслед за мной, но явно не ожидал того, что я не стану убегать, а наоборот сделаю шаг ему на встречу.

Он машинально поднял руки вверх, принимая бойцовскую позу. По-видимому, его мышечная память по ходу дела сработала на защиту. Но, к его сожалению, приготовилась защищать не то место.

Я же, сделав короткий шаг левой ногой, не теряя ни секунды, правой зарядил ему промеж ног.

К счастью для меня, одна истина остается неизменной. Сколько не тягай железо в трена-

жерном зале, в одном месте мышечной массы не нарастить. Яйца не накачаешь.

Теперь уже не мышечная память, а ошутимая боль заставила поменять положение его тела. Руки стремительно направились вниз, к месту, ставшему эпицентром болевых ощущений.

Я, так же не забывая о том, что скорость в этой ситуации не менее важна чем эффект неожиданности, бросился бежать к ближайшим домам, в надежде скрыться во дворах.

Конечно, со свободными руками скорость бега могла бы быть куда выше, но вариантов на данный момент было не много.

Бегу, не оборачиваясь, но всем своим нутром ощущаю – за мной гонятся.

Забежал за дом и оказался во дворе. Куда дальше?

Выбор велик, один открытый подъезд, подвал, из которого валит дым, детская площадка, на которой ракета и деревянный домик или мусорные баки.

Я отчетливо понимаю, что нахожусь не на экзамене в каком-нибудь учебном заведении, где мне предложены тесты с вариантами от-

ветов, и лимит времени на размышления аж никак не сорок пять минут.

Тот факт, что на какое-то время я визуально недоступен для моих преследователей, не стал поводом для того чтобы медлить.

Совершенно интуитивно, не взвешивая и не сопоставляя, я рванул к мусорным бакам, не смотря на то, что они дальше, чем тот же подвал.

Повернувшись спиной к наименее заполненному баку, запрыгнул на его ребро задницей, благо баки были невысокими, и махом обеих ног опрокинул себя вовнутрь. И застыл в том же положении, в котором приземлился на помой.

Очень скоро возгласы бегущих за мной милиционеров нарушили тишину, царившую в ночном дворе и дали понять, что они совсем близко.

– Где он? Ты его видишь? – раздался чей-то запыхавшийся голос.

– Что тут увидишь, темень такая! – раздосадовался другой, – посмотри в подвале, я в подъезд. Выходи, сука, мы тебя все равно найдем!

Интересно, додумаются они сюда заглянуть или нет? В любом случае дергаться поздно, остается ждать, пока они уйдут или найдут меня здесь. И что-то мне кажется, если найдут, то не забудут меня «поблагодарить», что заставил их в помоях ковыряться.

– Свалил все-таки. Падла! – расстроился выходящий из подъезда, - ладно, сержант, возвращаемся. Хрен с ним.

Шаги удалились, и наступила тишина. Я еще какое-то время полежал без движения, потом поднялся на столько, чтобы только одна голова выглядывала. Вокруг никого.

Завалился на спину, поджал ноги. Немного усилий и руки спереди, хоть и по-прежнему скованы наручниками. Ну, как бы там ни было, так передвигаться значительно легче.

Выбрался из бака и, оглядываясь по сторонам, на полусогнутых, поспешил подалее отсюда.

Завернул за угол дома, и совсем внезапно передо мной встал образ в камуфляже и маске.

Резкая боль, берущая свое начало от гениталий, пронзила мой организм.

Тот самый омоновец, которого я опечалил таким же болезненным образом, сейчас поквитался со мной.

Следующий удар не заставил себя долго ждать. Подошва его ботинка отметилась на моей груди с такой силой, что на ногах я долго не задержался.

Упав на землю, я свернулся в клубок, закрывая голову руками, на тот случай если этому обиженному защитнику правопорядка показалось не достаточно двух ударов для того, чтобы выплеснуть всю свою злость.

Одновременно я приготовился выслушать его мнение относительно моей персоны. Заранее можно предположить, что речь пойдет про то, на какое животное я похож, насколько я здоров в моральном и физическом плане, и скорей всего он будет утверждать, что я отошусь к людям нетрадиционной сексуальной ориентации.

– Ах ты, пидорас конченный. Ты что, козлина, себе там удумал? Возомнил себя крутым героем «Джеймса Бонда»? Дегенерат пиздоватый, – завопил он, приближаясь к моему скрученному на земле телу, – поднимайся, урод,

– заехал ногой по ребрам.

Я откатился немного в сторону, дабы не угодить под еще один удар, и начал вставать на ноги.

– Давай, вставай, – подбодрил он еще одним пинком в спину.

Так с периодическими толчками и подзатыльниками мы вернулись к машине.

А вот и инициативный сержант уже мчится ко мне.

– Ну что, ублюдок, набегался? – процедил он, – я из-за тебя по подвалам! Ну, подожди, гандон, приедем в отделение, я тебя перевоспитаю.

Запахнули меня в будку грузового автомобиля, куда уже битком натрамбовали людей разного пола и возраста, но объединенных одним желанием пойти этим вечером в один ночной клуб.

Дверь закрыли снаружи, стало совсем темно.

Я сел на пол, уперся лбом в поджатые к груди колени, пальцы рук сцепил за затылком.

Внутри будки темно хоть глаз выколи, но

отнюдь не тихо. Возгласы возмущенных пассажиров этого «халявного такси» сливались в один базарный гул.

Плачь какой-то испуганной девушки, крики с угрозами в адрес сотрудников милиции перепившего мужика и смех подростков пофигистов разрывали мою разболевшуюся от многочисленных подзатыльников голову.

– Скоты! Они у меня права человека наизусть выучат!

– Уроды, они мне нос разбили.

– Слушай, отлично отвисли. Только мне, по-моему, руку вывернули.

– Да у этих монстров мышцы в место мозгов. Дали команду «фас» и все, спасайся кто может.

Раздаются голоса, но я не слышу о чем плачут или смеются мои попутчики, понимаю только, что все они говорят на русском языке.

Поразительно, но я не испытываю страха. Казалось бы, перспектива после приезда в участок встать перед ответом за тот марафон, который я устроил, должна напугать любого. Тем более что жестокость и изобретательность ментов не нуждается в повышении квалифика-

ции.

Но, не смотря ни на что, я спокоен и по прежнему не отказываюсь от решения убежать, даже если мне придется перепробовать все возможные варианты.

– Мэрав тэ п'яв.

– Лэ.

– Пало тыро састыпэн!

– Тэ дэл о Дэвэл э бахт лачи!

Я моментально уловил, что слышу уже не родную речь, да и резкая смена запаха говорила о том, что произошли перемены.

Поднял голову. Я в кибитке с цыганами. Они говорят о чем-то своем между собой, не обращая на меня внимание.

Наручников на мне нет. Одет тоже уже по-другому, в синюю потертую робу.

Да здравствует очередное перемещение

Вот тот самый случай, когда во всем надо искать что-то хорошее. Пускай продолжается череда непонятных телепортаций и вполне возможно, что я окочурюсь в одном из этих что ли миров, но на данный момент мне не гро-

зит жестокая расправа от рук озлобленных на меня милиционеров.

По крайней мере, уровень безопасности здесь значительно выше. Хотя, еще не известно, чего можно ожидать от этих, на первый взгляд, миролюбивых скитальцев.

В любом случае надолго задерживаться здесь не стоит. А лучше, вообще не задерживаться.

Через рваный брезент, которым обтянута повозка видно, что вслед за нами, неспешно тянется целый табор. Кто пешком, кто верхом на лошади.

Идея родилась сама собой, и я не стал медлить с воплощением ее в жизнь.

Выскочил из кибитки, подбежал к ближайшему наезднику, каким оказался мелкий цыган. Стащил его с лошади и, забравшись на взволнованную кобылу, ударил ей пятками по ребрам.

Строптивное животное тут же помчалось в сторону леса, никак не реагируя на мои попытки повернуть ее на дорогу.

Галопом, в буквальном смысле этого слова, домчались до густо насаженных деревьев.

Не смотря на то, что на нашем пути один за другим стали появляться препятствия, в виде завалившихся деревьев, лошадь не сбавляла скорости.

Я много раз ездил верхом, но это были конные прогулки на курортах или пьяные развлечения в каких-нибудь деревнях, не имевшие никакого отношения даже к любительскому спорту. Не говоря уже про конкур, где надо уметь хорошо держаться в седле.

В данном же случае обстоятельства заставили меня дебютировать в преодолении барьеров без предварительной подготовки и, должен признать, больших успехов в этом деле достичь мне не удалось.

Когда коняка первый раз взмыла в воздух, перепрыгивая корягу, я выпустил ноги из стремян, но удержался в седле. А вот преодоление второго препятствия закончилось предсказуемо. Я слетел с живого транспорта и, размахивая в воздухе руками и ногами, приземлился на усеянную сухими ветками землю.

Упал на спину. От удара сперло дыхание и я, как рыба на суше, открыл рот, пытаюсь

заглотить воздух.

Только спустя секунд десять удалось сделать полноценный вдох. Отдышавшись, не поднимаясь, повернул голову, сначала в одну, затем в другую сторону. Вокруг сосны, пеньки, сухие ветки и иголки. Умиротворяющий запах хвои.

Вот бы не думать ни о чем, и просто наслаждаться этим покоем и красотой. Это даже могло бы быть возможным, тем более что в последнее время я приобрел навыки в том, чтобы отгонять от себя ненужные мысли.

Но те же события, подарившие этот бесценный опыт, не переставали поражать своей специфической неординарностью. Поэтому отдых в сосновом бору стал невозможен из-за представшего предо мной клоуна.

Тот самый клоун, из вестибюля гостиницы, общение с которым закончилось нокаутом одного из нас.

В этот раз на его лице не сияет лучезарная улыбка. Выглядит он очень злым. Пожалуй, самым злым клоуном, которого мне когда-либо доводилось видеть.

Он припал на одно колено рядом со мной.

Одной рукой взял меня за волосы, слегка приподнял мою голову, и кулаком другой руки, размашистым ударом, зарядил мне в лоб.

Перед глазами у меня появились миллионы черных точек, они постепенно затмили все вокруг, и я удалился в непонятное состояние. Я не потерял сознание, но и сознанием это назвать нельзя. Какой-то полуобморок, сопровождающийся головокружением и жуткой тошнотой.

С двух сторон меня взяли подмышки и потащили в неизвестном направлении. Кто эти носильщики – разобрать не могу, на глазах как будто серая пелена, через которую ничего не видно, только мелькающие тени и расплывчатые силуэты.

То пробивающееся, то прячущееся за деревья солнце и запах сосны дают понять, что я все еще в лесу.

Но общение с природой длилось не долго. Солнце спряталось и, что-то мне подсказывает, скрылось оно не за тучей и не за очередным деревом. Запах сырости пришел на смену аромату хвойного леса.

Пелена спала, но рассмотреть что-либо те-

перь сложно из-за недостатка освещения. Но я хотя бы увидел при помощи кого я передвигаюсь.

Два парня, одетые в форму, какую носили белогвардейцы во времена революции, волокут меня по длинному узкому коридору, в конце которого малюсенькое окошко, отгороженное решеткой, тем самым образуя что-то похожее на тюремный блок. В ней двухъярусная кровать, на которой – ни матрасов, ни подушек.

Занесли меня в эту клетку, бросили на пол и, не произнося ни слова, вышли из камеры. Один из «петлюровцев» замкнул калитку на ключ и так же удалился вслед за своим компаньоном.

Дрожа, как алкоголик с похмелья, еле передвигаясь, я забрался на нижний ярус металлической кровати. Железная сетка, конечно, не сравнится с ортопедическим матрасом, но в любом случае на ней куда комфортней, чем на холодном твердом полу.

Лежа на кровати, головой к жалкому источнику света, вглядываясь в черную дыру, образованную бесконечным коридором, даже не пытаюсь собрать в кучу, блуждающие в ха-

отичном порядке, мысли.

– Ну, как успехи в осуществлении вполне конкретного желания? – раздался голос Флиппа.

Внезапные появления моего сомнительного друга утратили свою остроту. Я не дернулся от неожиданно раздавшегося голоса, не удивился странности происходящего. Это уже просто стало нормой.

На его вопрос я предпочел не отвечать.

Он спрыгнул со второго яруса, появившись, как всегда, во всей красе. Свеженький, чистенький, выглаженный и причесанный – он являл полную противоположность мне. Его начищенные до блеска туфли стали для меня объектом вожделения. Не в том смысле, что мне захотелось снять с него туфли и забрать их себе, а просто кипело желание вернуть то время, когда сам ходил одетый с иголки, с вычищенной обувью.

Какой все-таки парадокс – когда имеешь что-то с привычным постоянством, совсем этого не ценишь и даже не замечаешь, но стоит лишиться этих простых благ, как начинаешь страстно этого желать и стараться всеми сила-

ми вернуть.

Прав Флипп во всех отношениях, люди действительно странно устроены. Ведь всем испокон веков известны прописные истины, на счет которых написаны множества множеств пословиц и поговорок: «Имеешь – не ценишь, теряешь – жалеешь», «Все познается в сравнении», «Скупой платит дважды» и так далее.

Да это просто руководство по пользованию человеческой жизнью. Казалось бы, подчеркни для себя несколько золотых правил, не забывай им следовать, и будешь счастлив, не зависимо от того, сколько у тебя денег, какое положение в обществе ты занимаешь, красивый ты или, по мнению кого-то там, нет.

Но человек будто создан, чтобы противоречить всему тому, к чему сам же и пришел. Понимая как правильно и лучше, принимает решения и действует, получается, вопреки здравому смыслу. И это прослеживается в повседневной жизни каждого из нас, принимая облик общепринятых ценностей.

Рождаясь и вырастая в определенной среде, мы становимся участниками нелепой гонки, навязанной нам обществом с устоявшимися в

нем нормами и принципами. Нас гонят вперед наши чувства и инстинкты. Мы готовы порвать жилы, только бы выглядеть успешней, богаче и красивей, чем другие, поражаясь тому на какие несопоставимые жертвы порой идем ради этого.

В этом забеге нет победителей и нет проигравших, лишь зомби, одержимые ошибочной необходимостью иметь все больше и больше. Больше денег, больше власти, больше внимания и уважения.

На каком-то этапе этого безумного состязания к нам приходит понимание того, насколько глупо тратить жизнь на бессмысленный марафон, который, как выясняется, не приводит ко всеми желаемому счастью, но по инерции продолжаем мчаться в никуда, окутанные самообманом, так как до мозга костей пропитались искусственно созданными потребностями.

– А ты хорошо выглядишь, – облокотился на решетку Флиппер.

– Не так хорошо, как ты, – парировал я.

– Я серьезно. В момент нашей первой встречи ты смотрелся гораздо хуже. А сейчас

– глубокий вдумчивый взгляд, невозмутимое выражение лица, – продолжал он, – ты больше не дергаешься при моем появлении, спокойно реагируешь на все тяготы и лишения, которые тебя преследуют. Прогресс на лицо.

– Тебе не приходило в голову, что я не дергаюсь, не пугаюсь и не удивляюсь, потому что у меня не осталось на это никаких сил.

– Вполне возможно эта мысль посетила бы меня, но ты забываешь про один нюанс.

– Да-да, ты же читаешь мои мысли.

– Да. И я очень рад, что ты на конец-то начал мыслить в правильном направлении.

– Начал! Только какой в этом смысл? В этом безумии о чем не думай, все равно толка нет.

– Н-у-у , – протянул Флипп.

– Нет, не продолжай, я знаю, ты собираешься мне возразить. Хочешь сказать, что я не прав, прочесть поучительную лекцию с философским уклоном, после которой я должен взбодриться и рвануть прогрессировать дальше.

Флипп, не отрываясь от решетки, потянул руку к карману, достал из него пачку сигарет,

вынул из нее одну сигарету и сунул ее в зубы.

– Спички не дашь? – попросил он у меня.

– У меня нет спичек.

– Ты в этом так уверен, потому что не куришь и обычно не носишь ни спички, ни зажигалки?

– Ну, хотя бы по этому.

– Но ты не можешь быть уверен в этом наверняка, так как давно не проверял свои карманы. Так ведь?

Я сунул руки в карманы брюк. В правом уткнулся пальцами в маленький коробок. Достал его. Действительно, у меня имелись спички, о наличии которых я не подозревал.

– Хм, фокусник, – бросил я ему коробок со спичками.

– Ты уже давно мечешься в непонятном для тебя пространстве. То голый на пляже окажешься, то в гостиничном халате в метро появишься. Ты встречался с реальными милиционерами и нереальными гоблинами. Но при всем при этом, ты все еще удивляешься маленькой коробке спичек. Забавно, правда?

– И о чем это говорит?

– Это говорит о том, что ты абсолютно

нормальный человек. Гомо сапиенс, с присущими ему качествами.

– Нормальный? Ты, наверное, шутишь! Разве с нормальным гомо сапиенсом может твориться такая хренотень, о которой ты сам сейчас упомянул?

Флипп оттолкнулся от решетки, подошел к окошку, сделал еще пару затяжек и выбросил окурок.

– Знаешь, я бы не хотел, чтоб ты считал, будто я читаю тебе нотации. Мы с тобой просто общаемся, дискутируем, я высказываю свое мнение, делюсь убеждениями. Но это не лекции. Я не хочу, чтобы ты расценивал это как лекции, – проникновенно сказал Флиппер.

– Да какая уже разница, как я смотрю на твои высказывания.

– Разница в восприятии. Когда человек слушает кого-то и думает, что его поучают, это автоматически задевает его самолюбие. Но когда он ощущает себя полноценным участником дискуссии, то способен прислушаться к своему собеседнику и может даже принять его мнение.

– Да, но ты изначально повел себя так,

будто умней тебя не сыскать на всем белом свете. Мнение о тебе уже сложилось, и твои речи трудно воспринимать по-другому.

– Так было надо. И еще дело в том, что ты сам принял позицию, которая сильно отличается от позиции подготовленного оппонента. Хотя в твоём положении это вполне объяснимо.

Странно, но Флипп как будто изменился в лучшую сторону. В его голосе чувствуется уважение, говорит он серьезно с полнотой чувств. Не пытается съязвить и указать на мою ничтожность. В целом, его манера общения кардинально изменилась. Теперь это не самолюбивый эгоист, а участливый друг. Такие резкие перемены даже как-тостораживают.

– Говоришь, так было надо. Я даже не спрашиваю, кому и зачем, уверен, ты все равно не дашь вразумительный ответ.

– Так же уверен, как и в том, что не носишь с собой спички?

Интересно, он никогда ничего не говорит просто так, его слова всегда несут какой-то глубокий смысл или наталкивают на размышления.

– Ладно. Зачем было нужно?

– Чтобы тебе помочь, – ни секунды не раздумывая, ответил Флишп.

– Кому это было нужно? – без паузы задал я второй интересующий меня вопрос.

– Тебе, – беспристрастно указал он на меня.

Охренеть! Он впервые дал четкие ответы на конкретные вопросы, при этом не загадал новых загадок. Но мне все равно ничего не ясно.

– Иди домой. Денис, ты, действительно, чертовски устал, – интонацией заботливого отца сказал Флишпер.

После этих слов у меня к горлу подкатил ком, а на глазах навернулись слезы.

– Я пытался, я хотел, но ничего не выходит, постоянно что-то случается. Я бежал, убегал от всех, лишь бы попасть домой, – произнес я дрожащим голосом.

– Вот именно, мы бежим не к цели, а от проблем, что заставляет нас сосредотачиваться не на достижении желаемого, а на рутине наступающих неприятностей, тем самым привлекая новые трудности и отдаляя сокровенный

результат. Не убегай, а просто иди домой.

– Но решетка, она закрыта. Я видел, как он замкнул ее.

– Вспомни про спички.

Я встал с кровати, взялся обеими руками за прутья калитки и толкнул ее от себя, та со скрипом и сопровождающим его эхо, открылась наружу.

Слезы падали со щек, и ,казалось, я слышу, как они ударяются об пол.

Не оборачиваясь, я иду по коридору, все больше погружаясь в темноту.

После пятиминутного шествия во мраке, наконец, дошел до конца коридора. Закончился он большей металлической дверью, состоящей из двух частей. Нащупал ручку, надавил на нее и дверь открылась.

Развернувшаяся передо мной панорама, надавила на сентиментальные ноты моей души так, что у меня начали дрожать губы, и скупой плач едва не срывался на рыданье.

Эта дверь открылась во двор дома, в котором я живу. А конкретно, я стою напротив своего подъезда, и меня от него отделяют каких-то сто – сто пятьдесят метров.

По хрустящему снегу, которым укрыта земля, дрожа от холода, направился к подъезду, на третьем этаже которого располагается

моя квартира.

Подошел к входной двери, на домофоне набрал известный мне код. Раздражающий меня раньше писк, оповещающий об открытии двери, в этот раз ласкал мне слух.

Поднимаясь по ступенькам, почувствовал, как у меня задрожали ноги.

Я не стал подниматься на лифте, не потому что живу невысоко, мне просто захотелось насладиться запахом подъезда, надышаться этим воздухом, на какое-то время задержаться в этой атмосфере ожидания.

Подойдя к двери своей квартиры, я на секунду озадачился тем, как ее открыть, но поучительный опыт со спичками не дал затянуться размышлениям. Я сунул руку в карман и сразу же нащупал в нем ключ.

Проворачивая ключ в замочной скважине, волнуясь, как девственник перед первым сексом.

Два до боли знакомых щелчка, хруст дверной ручки – и квартира нараспашку.

Вот он вкус, а точнее запах достижения цели, осуществления неистово желаемого.

Но запах этот какой-то странный, да и на

вид не совсем то, что ожидалось. Да, квартира моя, по крайней мере, дверь точно. Планировка тоже та, но в квартире пусто. Совершенно, абсолютно, совсем ничего! Обоев нет, стены выкрашены в белый цвет, и запах. Запах не тот, к которому я привык за пять лет жизни в этой обители. Пахнет, как в больнице, ни больше, ни меньше.

Из комнаты, где, по идее, раньше была кухня, доносится звук, сильно похожий на тот, что издает кардиограф. Я иду туда, удары моего сердца учащаются, и через мгновение оно бьется в один такт с противным пиканьем.

От увиденного мое тело покрылось мурашками и, без преувеличения, волосы на голове зашевелились.

Я вижу себя, лежащего на больничной койке в пустой белой комнате. На мне кислородная маска, от тела и рук к монитору тянутся проводки. Глаза, слава Богу, закрыты, иначе я кончился бы на месте.

Казалось бы, такая мелочь, но увидеть свой взгляд не в зеркале, а со стороны, при таких обстоятельствах, жутко до обморока, хотя и самих обстоятельств достаточно, чтобы шо-

кировать до оцепенения.

– Ну вот, ты и дома, – беззвучно подошел Флипп.

– Да, но

– Ты же домой хотел, вот ты здесь.

– Что со мной, – спросил я у него, как спрашивают тяжелобольные у лечащего врача.

– А ты как думаешь?

– Я в коме? Со мной что-то произошло, – начал я прокручивать в голове типичный сценарий, – а ты

– Да, ты в коме, твоя душа мечется между этим и тем светом, а я – твой ангел хранитель, – начал Флиппер с серьезным видом, но потом расплылся в улыбке, – меньше смотри телевизор – не будет всякая фигня в голову лезть.

Я посмотрел на него с недоумением.

– Ладно, с тебя, пожалуй, хватит, – сказал Флипп, – пришло время нам попрощаться. Веди себя хорошо.

Только он произнес последнее слово, как в глазах резко потемнело, ноги подкосились и я упал на пол. В ушах эхом переливались последние слова Флиппа «веди себя хорошо, веди себя хорошо. Хорошо веди себя, хорошо»

Глаза открылись. Я в комнате с прозрачными стенами и потолком, за которыми ясное небо и белоснежные облака. Лежу на кровати, прикованный широкими ремнями с мягкой подкладкой. Я голый, весь утыкан тысячей тонюсеньких как волос, иголок. На конце каждой из них горят индикаторы светло-голубого цвета. На голове стеклянный венец, светящийся таким же цветом.

Возле меня какие-то люди в синих медицинских халатах.

Меня охватила неконтролируемая паника, я начал дергать руками, пытаюсь освободиться.

– Так, он вернулся, – сообщил незнакомый голос.

– Два кубика ..., – распорядился кто-то из них, – все в порядке. Снимаем обруч.

С головы сняли эту штуку, непонятного происхождения и все индикаторы погасли. Милая барышня вонзило в мое плечо иглу, ввела какой-то препарат, и я погрузился в состояние полудрема.

Отстегнули ремни, переложили с кровати на передвижную кушетку и куда-то покатали.

Разум начал проясняться. Я уже в довольно уютной комнате, похожей по интерьеру на гостиничный номер дорогого отеля.

– Здравствуйте, Денис Олегович. Как Вы себя чувствуете? – вошла в комнату девушка с подносом в руках, – вот, выпейте, – протянула она мне стакан с водой и две таблетки.

– Что это? – спросил я.

– Пейте, а то начнется жуткая головная боль, – настояла она.

– Где я?

– Простите, мне некогда, я должна идти к другим пациентам. Но Вы не переживайте, скоро Вас отведут к профессору. А пока отдохайте.

Я проглотил таблетки, запил их водой. Девушка забрала стакан и вышла из комнаты.

Не успел я прикинуть, что к чему, как во-

шел высокий мужчина. Из угла комнаты подкатил кресло-каталку к кровати.

– Здравствуйте, – сухо произнес он.

– Здравствуйте.

– Давайте попробуем в нее забраться, – предложил он.

Я попытался подняться, но это оказалось не так просто. Я настолько ослаб, что с трудом могу сжать кулак. Но с помощью долговязого мне удалось залезть в инвалидное кресло.

Он выкатил меня в светлый коридор и доставил по нему к кабинету с табличкой «Симонов А.В.».

– Дальше, думаю, Вы справитесь сами, – равнодушно сказал мужчина.

Я, приложив некоторые усилия, фалангами дрожащей руки постучал в деревянную дверь.

Через несколько секунд дверь открыл седой мужчина. На вид ему лет шестьдесят. Он разговаривает по мобильному телефону и не обращает на меня никакого внимания. На нем – шикарный костюм, на руке – дорогие часы.

После минуты моего пребывания в дверном проеме, он соизволил посмотреть на меня

и, не прекращая вести оживленную беседу с кем-то там по мобильнику, махнул мне рукой, приглашая въехать вовнутрь.

Я даже обрадовался такому обращению, так как вновь почувствовал себя среди «своих». Такое поведение сотрудников учреждения указывало на то, что я на родине. А на данный момент для меня и это – уже большая радость.

– Да, да, хорошо. Не беспокойтесь, я Вам лично перезвоню. Всего доброго, до свидания, – наконец закончил он телефонный разговор.

Он закрыл дверь в кабинет, затем вернулся за красивый резной стол и, усаживаясь за него, открыл лежащую среди бумаг папку.

– Итак, Лукьянов Денис Олегович, – произнес он, не отрывая взгляд от документов.

– Здравствуйте, – выразил я свое нетерпение.

– Здравствуйте, здрасте, – невозмутимо поприветствовал он меня.

– Я хочу, – начал я предложение, до конца не решив как его построить.

– Нет, вначале я хочу облегчить Вам мыслительный процесс, – перебил он, – у Вас сей-

час уйма вопросов и полная неразбериха в голове, так что лучше начну я.

Я развел руками, соглашаясь с его предложением.

– Меня зовут Симонов Алексей Владимирович, профессор психологии и директор центра методической психологии. Хотя мы уже с вами знакомились.

– Я Вас не помню, – не выдержал я, – извините, я Вас перебил, продолжайте я слушаю.

– С полной уверенностью скажу, что Вы не только меня не помните, но еще дня два ничего не вспомните. Зато на третий, максимум на четвертый, память полностью восстановится. А чтоб до этого момента Вы себя не замучили догадками, кто Вы, где и как, я постараюсь пролить свет на череду безумных событий. Впрочем, как Вы того так давно желаете.

Я напрягся от того, что он заговорил практически моими словами.

– Не переживайте, я не читаю Ваши мысли, людям этого не дано. После того как Вы меня дослушаете, многое для Вас станет ясным и все встанет на свои места, – поспешил меня успокоить профессор, – итак, Вы находитесь

в центре методической психологии. Наша специализация – позитивное влияние на психику человека при помощи новейших разработок, позволяющих нетипично воздействовать на подсознание.

Я выкатил глаза и закачал головой, всем видом показывая, что не совсем въезжаю, о чем он.

– Проще говоря, мы возвращаем нашим клиентам вкус жизни. Помогаем взглянуть на нее другими глазами, совершить переоценку ценностей. Ну и, заодно, развлечься.

– То есть, это все...?

– Да, все что Вы пережили – фактически сон, который мы тщательно контролировали и корректировали. Отличие только в том, что все события происходили в режиме реального времени.

– Вы хотите сказать, что я здесь находился столько времени?

– Если быть точным, три месяца и пять дней. Все это время вы находились в горизонтальном положении, прикованным к кровати.

– Вот почему я сейчас такой немощный.

– Именно потому. Из-за этого Вы в инва-

лидной коляске, и какое-то время Вам понадобится на восстановление. Но я думаю это мизерная плата за бесценный опыт и неповторимые впечатления.

– Да уж, впечатления дорогого стоят. Иногда казалось, они могут стоить жизни, – подде-ржал я, – а что если на одном из этих впечатлений сердце не выдержало бы, и я бы врезал дуба?

– Я же Вам говорю, манипуляционный сон непрерывно контролировался нашими сотрудни-ками, уровень адреналина регулировался в зависимости от этапа программы. Да и потом, Вы же не умираете, когда Вам снятся кошма-ры.

– Но это не совсем одно и то же, все было как наяву, даже физические ощущения. Мне было реально больно. Как вообще такое воз-можно?!

– Новейшие разработки. И хочу заметить, болевой эффект воссоздать куда проще, чем все остальное.

М-да, наука на месте не стоит.

– Почему я каждый раз оказывался не в тюрьме так в психушке, на острове , то скован-

ный, то связанный? С чем это связано?

– Человек так устроен, что для того чтоб его подвигнуть на какие-то конкретные действия, заставить шевелиться и начать вынимать, извиняюсь, задницу из болота, в которое он влез благодаря своему образу жизни, надо лишить его чего-то значительного, – заговорил профессор манерой Флиппа.

Мне стало не по себе. Будто со мной снова разговаривает Флипп. Его появление сейчас было бы совсем неуместным.

– Вы говорите прям как...

– Как Флиппер? – перебил профессор, – это не должно Вас удивлять, ведь это не я, как он, а он говорил моими словами. Я его создал. И отправил Вам в помощь, но при этом его задача заключалась исключительно в том, чтобы побуждать к движению, а не быть проводником.

Я, умудренный опытом, не стал слова профессора пропускать мимо ушей.

– Человек, на самом деле, достаточно уязвимое существо и имеет целый ряд слабостей, на которые в нужный момент можно надавить как для пользы дела, так и наоборот. Веревки,

наручники, замки и решетки – это не просто средства ограничения физических действий. С их применением человек лишается нечто большего. Его свобода в моральном плане подвергается такому стеснению, что он даже не подозревает, какие процессы происходят в его подсознании, – читал мне теперь настоящую лекцию настоящий профессор.

– Знаете, раньше я бы Вас не понял, но сейчас..., – сказал я.

– Ну, значит, не зря мы Вас мучили, – засмеялся профессор, видимо поняв, что увлекся начиткой лекционного материала.

Он встал из-за стола, подошел к окну, где застыл в глубокой задумчивости.

Ему наверняка есть о чем подумать. Профессор все-таки, специалист в области психологии.

– И Вы всем пациентам один и тот же сон крутите? – спросил я.

– Нет, – категорично ответил профессор, – манипуляционная программа подбирается для каждого индивидуально. Вы не помните, но перед тем, как покинуть мир бодрствующих, Вы заполнили многочисленные тесты, которые

указали на то, какие примерно события Вам необходимы для достижения положительного результата.

Я обрадовался тому, что услышал логичное объяснение нелогичному беспределу, вмешавшемуся в мою жизнь по собственному желанию или как сказал, оказывается, профессор устами Флиппа, по своей вине.

Действительно, все встало на свои места. От души отлегло и стало спокойно и хорошо, несмотря на то, что я помню только этот оздоровительный сон и имею лишь общее представление о своей прошлой жизни.

– А что с моей памятью, профессор?

– Для получения максимального эффекта мы стираем память, оставляя только те моменты, которые необходимы для того, чтобы остро ощутить ужас лишения и в тоже время спровоцировать невероятное желание вернуть все обратно. Другими словами, мы создаем искусственную амнезию, – спокойно пояснял профессор, – подумайте сами, какой был бы эффект, знай Вы, что с Вами происходит? Вы

отнесли бы к этому как к спектаклю, где играете главную роль. А то, что амнезия продолжается еще несколько дней после пробуждения, это побочный эффект, который, к сожалению, пока нам не удается устранить.

– Как я стал пациентом Вашей клиники?

– Ну, во первых, это не клиника, а центр методической психологии и, во вторых, Вы не пациент, а клиент методического центра.

– Странно, девушка, которая приносила мне таблетки, назвала меня пациентом.

– Ирочка? Она недавно пришла к нам из областной больницы, там она медсестрой работала, привычка осталась.

– Понятно, – вздохнул я, – в таком случае, каким образом я стал клиентом Вашего центра?

– Что ж, все очень просто и довольно банально. Вас застиг врасплох кризис среднего возраста. Исходя из Вашей анкеты, у Вас была бурная и насыщенная во всех отношениях жизнь. В итоге, вкус этой жизни стал приторным, и Вы решили обратиться к нам, желая разобраться в себе. Что касается того, как Вы о нас узнали, то, кажется, Вы увидели рекламу

на каком-то телеканале. Так, по крайней мере, написано в Вашей анкете.

Я удовлетворенный тем, что получил ответы на все интересующие меня вопросы, расслабился и испытал небывалую легкость. Казалось, что после этой, без преувеличения, чудо-терапии в таком состоянии я буду пребывать до конца своих дней.

Профессор посмотрел на часы. По его лицу можно было понять, что прием окончен.

– Что ж, Денис Олегович, надеюсь, Вы остались довольны результатом и нам максимально длительное время не придется встречаться на профессиональной почве.

– Я, конечно, не помню, но думаю, что не ожидал такого эффекта, – выразил я свой восторг, – я могу сегодня поехать домой?

– Нет, до полного восстановления памяти Вы останетесь у нас, – сказал профессор, – да и потом, если бы Вы помнили сколько заплатили за это удовольствие, то из жадности не захотели бы уходить до последнего. К тому же, у нас хорошо, завтра у Вас по программе экскурсия по центру. Обещаю, Вам будет интересно.

– Ладно, поверю Вам, Алексей Владими-

рович.

Профессор нажал на кнопку внутреннего телефона.

– Слушаю Вас, Алексей Владимирович,
– раздался голос из динамика.

– Артем, зайди ко мне, – сказал профессор.

– Сейчас иду, Алексей Владимирович.

Профессор открыл кожаный дипломат, положил в него какие-то бумаги.

В кабинет вошел парень, который меня сюда доставил.

– Артем, будь добр, проводи Дениса Олеговича в его комнату, – распорядился профессор.

– Конечно, Алексей Владимирович.

– Отдыхайте, Денис. Попробуйте немного поспать, – обратился ко мне профессор, – я понимаю, что Вы выспались на три месяца в перед, но естественный сон сейчас для Вас очень полезен.

Молодой человек отвез меня обратно в номер и помог перебраться на кровать.

– Денис Олегович, если Вам что-то понадобится, вот здесь на стене кнопка вызова

помощника. Здесь DVD и пуль от телевизора, диски в тумбочке, – помог он мне сориентироваться, – отдохайте. Если что, не стесняйтесь жать на кнопку.

Спать мне не хотелось, поэтому рекомендации профессора я решил проигнорировать. Тем более положительные эмоции и какой-то необъяснимый восторг переливался в моей душе, прерывать это состояние сном я счел кощунством.

Я достал из тумбочки стопку дисков. Выбор велик, но все на одну тематику: художественные комедийные фильмы, юмористические шоу, смехопанорамы. Никаких тебе боевиков, триллеров и ужасов. Даже мелодрам нет. Хотя, наверное, это и правильно. Они три месяца в моей голове ужасы крутили, так что веселые негрузящие смехатурки на данный момент лучше всего.

«Джентльмены удачи» – хороший советский фильм. Видел его сто раз, но и в сто первый посмотрю с удовольствием.

Вставил диск в стоящий на тумбочке возле кровати DVD-проигрыватель.

Досмотрел до середины, почувствовал, как

стало клонить в сон. Сопrotивляться этому не стал. Первый раз за три месяца и пять дней уснул мирным сном.

– Кто сейчас президент Российской Федерации?

– Дмитрий Медведев.

– В каком году Вы закончили школу?

– В тысяча девятьсот восемьдесят пятом.

– Назовите три любых русских писателя?

– Гоголь, Толстой, Достоевский.

Я отвечал на вопросы бывшей медсестры, теперь именуемой помощницей.

После трех дней, которые я провел в методическом центре с первоклассным обслуживанием, память ко мне вернулась целиком и полностью. Заключительный тест-опрос должен был это подтвердить перед тем, как меня отсюда выпишут.

Правда, слова: выписка, пациент, медсестра, здесь не употребляют, и обусловлено это

тем, что центр не является медицинским учреждением. Когда я спросил профессора, почему они так категорично избегают подобных терминов, он дал короткий, но вполне обоснованный ответ:

- Мы работаем с людьми, изъявившими желание на какое-то время вырваться из рутины томительных будней и вернуть яркие цвета своей жизни. Медикаментозное лечение больных – это не наш профиль! Так почему пришедший к нам человек, услышав эти специфические слова, должен чувствовать себя таковым?

На мой взгляд, он абсолютно прав. Здесь я чувствую себя здоровее всех здоровых и больничная атмосфера все только бы испортила.

- Вот Ваши вещи: паспорт, водительское удостоверение, кошелек, ключи от автомобиля и квартиры, – принесла небольшую коробку девушка Ира, – если Вы готовы, я провожу Вас к машине.

- Буду признателен, – бодро направился я на выход.

Мы спустились на подземную стоянку, где

меня ждал мой Ниссан Мурано.

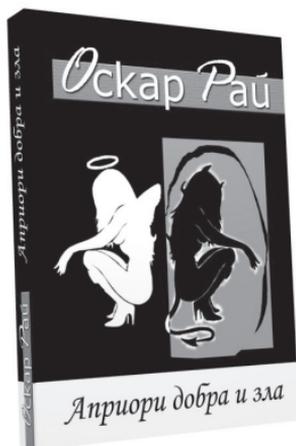
Перед тем как завести мотор и выехать на поверхность, я откинулся на комфортное сидение, крепко сжал пальцами руль. Так сильно я не радовался своему кроссоверу с момента его покупки. Подобные ощущения я испытывал, когда пришел в автосалон и впервые сел за руль, предвкушая приобретение.

Затем достал из бардачка карту автомобильных дорог и если ей верить, то от этого «пансионата» до моего дома километров двести. Распирающий меня позитив говорил о том, что будет время насладиться дорогой. Тем более что это дорога – домой, где меня ждет мой крепкий кофе.

Другие книги автора

Априори добра и зла

Психологический роман

*Какой наш мир? Чего в нем больше, добра или зла?
Можно ли, стремясь к свету, избавиться от тьмы?*

*“Априори добра и зла” — шокирующий роман,
увлекающий читателя в самые глубины его черно-белой
души.*

*В истории одной необыкновенной девушки отображена
суть внутреннего противостояния, которое протекает
внутри каждого из нас.*

Серия “Психология успеха”

Останови свои мысли. 9 основных принципов счастья.

Порой бывает сложно найти различие между тем, чего Вы действительно хотите, и тем, что является вбитым в ваше сознание как что-то безоговорочно всеми желаемое. Но делая шаги на пути самопознания, с каждым разом становится легче увидеть, а точнее ощутить, что на самом деле важно именно для Вас.

Душевное умиротворение и внутренний комфорт зависят не от перегружающих разум знаний, но от знания **НЕОБХОДИМОГО**.

Возбуди свою удачу. 7 правил настоящего успеха.

Что такое удача? Почему все люди хотят, чтобы она сопутствовала им?

Ответ очень прост — **УДАЧА ДАЕТ ВСЕ!** Практически любая сфера жизни: богатство, любовь, самореализация и часто даже здоровье, зависит именно от удачи.

Но не удача выбирает, кого порадовать своим появлением, а сам человек решает — позволить ей стать редкой гостьей в его заурядной жизни или же самому **“ВОЗБУДИТЬ”** свою **УДАЧУ**.

Получи свои деньги. 3 закона достижения богатства.

Эта книга — бесценный подарок для тех, кто хочет не только улучшить свое финансовое положение, но и стать реально богатым.

Самые дорогие машины, роскошные особняки и жизнь в полном изобилии — не удел избранных. Иметь все это можешь и ты. Главное не бояться поднимать планку, которую в состоянии взять каждый, кто ведает ЗНАНИЕМ.